

ПОСЛЕДНИЙ КЛИЕНТ¹

Началось все в самый обычный весенний день. Этот день ничем не отличался от всех других. Может быть, дождя было меньше, может быть, было теплее, чем вчера. Но, в общем, как всегда. К вечеру мне заняться было нечем. Вот уже с полгода, как я еле-еле свожу концы с концами. Все начиналось так хорошо и обнадеживающе. Я три с лишним года назад переехал с семьей в Германию. У меня юридическое образование. После безуспешных попыток найти подходящую работу прошло полтора года. Друзья надумили открыть свою детективную контору. Пока оформлял бумаги, кредит, искал помещение для бюро, прошло еще с полгода. И вот неполный год, как я частный детектив. Сначала я был полон планов и энергии. Мечтал о богатых заказчиках, об интересной и рискованной работе. Идеалист! Кроме заказов из супермаркетов, разбора мелких интриг, слежки за сексуальными маньяками и замужними авантюристками, ничего не было. И стоила эта работа совсем мало. Я больше тратил, чем зарабатывал. Кредит постепенно иссяк и заказы тоже. За последний месяц я имел всего два заказа. Правда, один заказчик был богат. Из наших новых русских, переселившихся на Запад. Жена его начала погуливать. Так думал он. Но на самом деле она от скуки стала посещать буддистский клуб, перешла в буддистскую веру, но мужу в этом боялась признаться и проводила два-три вечера в неделю в буддистском клубе.

В конечном итоге и богатый русский записался в буддисты. Надолго ли его хватит? Неважно. Главное, он заплатил хорошо, на радостях еще и премию отвалил. Второй заказ был от шефа заправочной станции. Он подозревал, что его работники бесплатно заправляют свои автомашины бензином. Действительно, один молодой работник заправлял свою машину и машины своих друзей бесплатно. Я это выяснил за три ночи, в которые он дежурил. Потолкался среди молодежи, которая пила пиво под навесом заправки, поспрашивал между делом, понаблюдал, как ночью подъезжали машины к заправочному аппарату, водители заправляли полные баки и, помахав рукой кассиру, уезжали. Две ночи снимал на видео. Кассира заправки уволили, я получил причитающийся мне гонорар, и на этом мои заказы кончились.

В тот день я окончательно принял решение сменить работу, сидел у себя в бюро и штудировал газету с объявлениями. Ничего интересного не попадалось. Темнело. Домой идти не хотелось. Видеть вопрошающие глаза жены и немой упрек в них, бояться вопроса о деньгах для той или иной покупки было для меня невыносимо. Еще более невыносимо слышать, как дочка, видевшая рекламу детских игрушек по телевизору, просит купить ей их. Для меня невозможно отказать ей, но и пообещать купить понравившуюся ей игрушку тоже не могу.

Мужчина постучался в дверь и сразу, не дожидаясь ответа, вошел в бюро. Он представился Максом, но свою фамилию не назвал. Ему было на вид чуть больше пятидесяти. Голос у него был надтреснутый и усталый. Он говорил так, как будто выдавливал из себя слова. На круглом лице сидели маленькие пронзительные глаза. Они прощупывали тебя насквозь, и в их глубине светились тоска и боль.

¹ Повесть вошла в книгу «Возвращение», которая выйдет в издательстве «Алетейя» (Санкт-Петербург) в конце 2005 года.

Он шел к столу, немного сутулясь и как будто боясь чего-то. На мой вопрос, чем я могу ему помочь, он вытащил из старого кожаного портфеля папку с бумагами и положил её на мой стол.

— Откройте и прочитайте, а потом поговорим.

Я открыл папку. В ней лежали вырезки из старых газет, на двух страницах — заключение врача-психиатра и несколько фотографий. С одной фотографии смотрело счастливое лицо маленькой девочки. Возраст было определить трудно, но больше двенадцати лет я ей не дал бы. Она была еще на одной фотографии, и рядом с ней здесь стояли мужчина, который сидел сейчас напротив меня, и красивая женщина лет тридцати пяти. На девочке была голубенькая курточка, две косички торчали в стороны, и в руках она держала красноглазого кролика. Мужчина выглядел на фотографии молодым, в глазах светились уверенность и какое-то умиротворенное счастье. С третьей фотографии смотрел на меня мужчина, возраст которого я сразу определить не мог. Что-то в глазах его было странным. Они смотрели на меня с фотографии в упор, но были тусклыми, холодными и невыразительными. В них отсутствовала мысль.

Я взял одну газетную вырезку и стал читать. В ней рассказывалось об исчезнувшей девочке, о ее поисках. Следующая заметка была с фотографией какого-то заброшенного строения в лесу. У полуразвалившегося дома стояла полицейская машина, несколько полицейских что-то измеряли, и под стеной, у висевшей на петлях двери, стоял гроб. На третьей газетной вырезке снова была фотография, на которой двое полицейских вели под руки мужчину. На голову мужчины была накинута то ли куртка, то ли шаль. В тексте сообщалось, что мужчину арестовали по подозрению в изнасиловании и убийстве одиннадцатилетней девочки. В еще одной вырезке говорилось о том, что господин Х. признан психически больным, и суд поэтому осудил его только на пять лет с отбыванием наказания в закрытой психиатрической больнице.

Я отодвинул от себя папку и вопросительно посмотрел на мужчину.

— И что все это значит?

— Погибшая девочка моя дочь.

— Я это понял. Мои искренние соболезнования.

Он поморщился, как от зубной боли. Я ждал. Макс протянул руку к папке и вытащил из бумаг фотографию мужчины с тусклыми и холодными глазами.

— Он уже полгода, как на свободе. Снова живет в нашем городе. Ходит свободно по городу. Я наблюдал за ним несколько дней. У него много знакомых. Среди них молодые девушки. Я видел, как он сидел с двумя девушками в кафе и смеялся. По его виду нельзя сказать, что он психически больной, что он отбыл пять лет в психбольнице. Так выглядят после курорта или отпуска на Мальорке.

Я терпеливо слушал.

— Такие люди не должны жить.

Наступила пауза. Каждый ждал продолжения разговора, но боялся начать первым.

— Найдите мне человека, который убьет его, — он пристально смотрел на меня. — Я хорошо заплачу.

Он перевел глаза с меня на фотографию девочки. От его пристального взгляда и от его слов по моей спине побежали мурашки, холодный пот начал выступать между лопаток. Это происходит со мной всегда, когда я волнуюсь или когда мне страшно.

— Такие заказы я не принимаю,— как можно спокойнее сказал я.

Мужчина вытащил из своего портфеля листок в прозрачной обложке и положил его передо мной. Через прозрачную обложку можно было прочитать мою фамилию. Я вытащил листок из обложки и пробежал его глазами. Он был, в основном, заполнен цифрами. Это был анализ моих финансов. Ничего хорошего и ничего нового я не увидел. Кредит на основании собственного дела с задолжен-

ностью по выплате процентов. Кредит за машину. За нее надо платить еще три года. Знал бы, что так сложатся дела, не покупал бы новый «мерседес». Мой счет с отрицательным балансом. Что на моем счету уже предельный минус, я знал. Только я не знал, как из этой ямы выбраться.

— Откуда у вас эти данные? — спросил я.

— Я работаю в банке и имею доступ к секретным документам и к закрытой информации.

— Вы нарушаете закон, используя закрытую информацию в своих личных интересах.

— Вы можете на меня пожаловаться. Но это ничего не изменит. Ваше финансовое положение от этого не улучшится.

Он замолчал, взял фотографию дочери со стола и, глядя на нее, снова заговорил:

— Она была хорошая девочка. Наша единственная дочь. Моя жена долго не могла родить. Можете себе представить, какая радость для нас была, когда она появилась на свет. Этот ее задушил простым чулком. Использовал, задушил и выбросил, как ненужную вещь.

У него тряслись руки, когда он говорил, и вместе с ними мелко дрожала фотография в его пальцах.

— Жена после этого уже в себя не пришла. Живет только на таблетках. Я тоже постепенно схожу с ума. Я просыпаюсь каждую ночь и думаю о ней. Мне кажется, что это меня изнасиловали и убили пять лет назад. Каждую ночь этот маньяк насилует меня и убивает. Я боюсь, что когда-нибудь он меня все-таки окончательно убьет. Но больше всего я боюсь, что я умру, а он будет также ходить по земле, будет дышать воздухом, смеяться, заигрывать с женщинами, может быть, между прочим, снова изнасилует кого-нибудь и убьет. С тех пор, как он на свободе, я совсем ночами не сплю. Я уверен, если он не будет жить, начнем снова жить нормально я и моя жена.

— Как вы себе это представляете? У меня же не контора по найму убийц. Не думаете же вы, что я способен на убийство? — испуганно спросил его я.

— Нет, нет, что вы. Я об этом даже не думал. Мне нужно только, чтобы вы нашли мне такого человека.

— Мне кажется, что вы серьезно ошиблись. Я не тот человек, кто может вам в этом помочь. И вообще, весь этот разговор мне неприятен.

Он вытащил из нагрудного кармана пачку денег и положил их передо мной.

— Здесь десять тысяч. Вы можете свой минус перекрыть, погасить задолженность за проценты, и на хозяйство еще останется. Это маленький аванс. Если вы выполните мой заказ, я помогу вам рассчитаться за «мерседес» и за кредит, и хватит еще на пару лет безмятежной жизни. Я получил хорошее наследство от моей бабушки. Денег у меня достаточно. Подумайте. Я вам доверяю. Эти десять тысяч останутся у вас. В следующий понедельник я снова приду к вам.

Пачка денег, лежавшая на столе, притягивала мой взгляд. Я смотрел на деньги, как заипнотизированный. Да, эти деньги могли бы на время избавить меня и мою семью от многих проблем. Они соблазняли меня, рука была уже готова потянуться за ними, но я заставил себя отвести от них взгляд.

— Такие заказы я никогда не получал. У меня нет опыта. Поищите, может быть, найдете кого-нибудь, кто возьмется выполнить ваш заказ.

Он сидел на стуле напротив меня и продолжал смотреть на фотографию дочери. Мне казалось, что он меня не слышит. Но мне было все равно, слышит он меня или нет. Я хотел побыстрее избавиться от него. Внутри, в глубине моего сознания рос страх, что я не выдержу и из-за денег пойду на все.

— Вы думали о моральной стороне вашего заказа? — Черт! Ведь это я сказал не ему, а себе.

Макс положил фотографию к остальным бумагам, откинулся на спинку стула и скептически улыбнулся.

— Что касается морали, для меня давно все ясно. На эту тему я даже дискутировать не хочу. Мораль для меня умерла в тот день, когда не стало моей дочери. И добавлю еще: я не циник, я реально смотрю на вещи. Вы, наверное, думаете, что мораль универсальна. Тогда скажите мне, если она универсальна, почему в Америке государство считает законным приговаривать преступников к смертной казни, а у нас, в Европе, это незаконно? Чья мораль правильная — американская или европейская?

Я не ответил ему и в свою очередь спросил:

— Если вы его приговорили без суда к смерти, почему сами не убьете его?

— Я его голыми руками придушил бы... — он с такой силой сжал рукой угол стола, что костяшки его пальцев побелели. — Не могу я. Жена останется одна. Умрет она без меня.

Макс вытащил еще одну сотенную купюру, положил на стол и пододвинул ее ко мне.

— Возьмите эти деньги и сходите в кафе. Обдумайте все. Вы ничего не теряете, а выиграть можете много. А эти десять тысяч положите в сейф. Если мы не договоримся, вернете мне. Но я надеюсь на вас.

Он встал, собрал бумаги и фотографии в папку и спрятал в портфель.

— До свидания. Я приду к вам в следующий понедельник, — проговорил он, протягивая мне руку.

Я остался сидеть за столом. Мужчина вышел. На улице он остановил такси и сел в него. Номер 518. Бросив деньги в сейф, я выскочил на улицу, сел в свой «мерседес», включил мотор и, не обращая внимания на сигналы машин, вписался в уличный поток. Такси с номером 518 стояло у третьего светофора на левой полосе, которая вела к вокзалу. На вокзале мужчина пристроился к короткой очереди у билетного автомата. Из-за искусственной пальмы, стоявшей у газетного киоска, видно было, как он бросил несколько монет в автомат и нажал кнопку с названием городка, который находился в двадцати километрах.

С вокзала я поехал в центр города. Когда припарковался, зазвонил мобильный телефон.

— Когда приедешь домой, Эдик? — спросила жена.

Ее голос звучал озабоченно.

— Я хотел в кафе зайти. Мне надо кое-что обдумать.

— Приезжай домой.

Она положила трубку. Я раздумал идти в кафе и поехал домой.

Жена встретила со слезами на глазах.

— Я хотела деньги на продукты снять, а у нас минус больше положенного. Автомат мне денег не выдал. Не могла хлеб даже купить.

Она заплакала. Я обнял ее.

— Успокойся. У меня есть сто евро. Возьми их.

Дочка сидела в зале и смотрела по телевизору мультфильмы.

— Папа, папа, Эрике Мюллер новый велосипед купили. Она дала мне покататься.

Я погладил ее по голове и спросил:

— Как дела в школе?

Она мне что-то отвечала, но я ее не слушал. Мои мысли были там, в моем бюро, где в сейфе лежали деньги, которые могли бы избавить мою семью хотя бы на время от мучительного сознания своей нищеты.

Эту ночь я почти не спал. В голове бешено крутились мысли, то уводя меня в мир мечты и беспечности, где не надо было думать о деньгах, где все просто и ясно и где все вокруг счастливые и веселые, то загоняя в тупик, где холодно и

угрожающе смотрели на меня пустые глаза, где слышен был плач и угрюмо уходил в ночь ссутулившийся старик. Жена рядом тоже не спала. Слышно было, как она то и дело переворачивалась с боку на бок, тяжело и протяжно вздыхала. Под утро провалился в сон. Мне снился рассвет в горах. Я лежал за камнями и целился в восходящее солнце, которое было большим и красным. Оно заняло весь оптический прицел винтовки, и от этого резало в глазах. Сухо прогремел выстрел, и на моих пальцах выступила кровь. Она струилась по ложу винтовки, залила стекло прицела и с дробным стуком падала на камни.

От страха я проснулся. На улице было светло. Жены рядом не было. Через открытую дверь в глаза бил из коридора свет яркой лампочки, и на улице в жестяной карниз стучали капли дождя.

После завтрака я поехал в тот город, где, по моим расчетам, должен жить и, наверное, работает мой вчерашний клиент. Припарковав машину в глухом переулке недалеко от центра, я пошел к центральной сберкассе. У длинной стойки, где несколько миловидных девушек обслуживали клиентов, я спросил одну из них:

— Могу я поговорить с господином Максом?

— У нас нет работника с таким именем, — ответила она мне.

Через дорогу в Немецком банке было не таклюдно. В зале на стене висели фотографии работников банка. Макса среди них я не нашел. В Народном банке женщина с серыми волосами в свою очередь спросила:

— Вы имеете в виду господина Обермайера? Он уехал. Жене стало плохо.

— Можете вы мне сказать, где он живет?

Женщина удивленно посмотрела на меня.

— Извините. Эту информацию мы не даем. Господин Обермайер будет после обеда здесь. Я могу вам организовать встречу с ним. Вы хотите оформить кредит — или у вас другой вопрос к нему? Как ваша фамилия?

— Нет. После обеда мне некогда. Я найду в следующий раз, — не отвечая на ее вопрос, я вышел.

Я вернулся к своей машине. Была только половина одиннадцатого, и поэтому я решил выехать из города и где-нибудь отдохнуть. В двух километрах от города въехал по грунтовой дороге в маленькую рошу и заглушил мотор. Здесь было тихо. Дождь прекратился, и птицы пели на разные голоса, радуясь теплу и пробившемуся сквозь тучи солнцу. Пахло хвоей и прелыми листьями. От тишины и свежего воздуха меня стало клонить в сон. Я включил радио на малую громкость, улегся на заднее сиденье и сразу заснул. Проснулся через два с лишним часа. Диктор по радио как раз начал передавать местные новости. В городе я снова припарковал машину в том же переулке. Напротив Народного банка располагалось кафе. Оно было почти пустым. Я занял место у окна, так, чтобы видеть вход в банк, и заказал себе кусочек пирожного с кофе. Макс появился в половине третьего. Он приехал на «фольксвагене» и припарковал его недалеко от входа в банк. Заказав еще одну чашку кофе, я подождал с полчаса и рассчитался с кельнером. На своей машине я выехал из переулка, нашел свободное место у бордюра метрах в пятидесяти от банка и стал ждать. В четыре часа Макс снова вышел из банка, сел в машину и поехал в сторону клиники. Он остановился напротив входа в клинику и, не закрыв машину, вошел в нее. Через две минуты он вышел, толкая перед собой инвалидную коляску, в которой сидела седая женщина. Она выглядела усталой. На бледном лице застыло выражение безразличия. Тонкие прозрачные руки лежали ладонями вниз на коленях. Что-то напоминало в ней ту красивую и жизнерадостную женщину на фотографии, но что именно, было трудно понять. У машины Макс взял свою жену на руки и пересадил ее на переднее сиденье. Коляску он собрал и уложил в багажник. Я не поехал за ними, а вошел в клинику и подошел к окошечку портье.

— Где мне найти доктора Венделя? — фамилию доктора я прочитал на щите, где была информация об отделениях клиники и врачах.

— Доктор Вендель сейчас на операции.

— Похоже, жена господина Обермайера снова заболела? — проговорил я.

— Несчастливая женщина. Мало того, что она перенесла два инфаркта и паралич, теперь еще и печень начинает отказывать. Сегодня опять ей делали переливание крови, — портье замолк, почувствовав, что сказал лишнее. — Вы знакомы с господином Обермайером?

— Нет. Просто наслышан о нем и о его несчастьях.

— Да, этой семье пришлось много вынести.

Портье углубился в чтение какого-то документа. Я вышел из клиники и поехал назад, в свой город. Решение во мне начало созревать уже давно, с того момента, как я увидел у себя на столе пачку денег. Теперь же я созрел окончательно. Мне не то что было жалко этих двух людей, мне действительно было обидно за их загубленную жизнь без будущего. И в отношении морали я был с сегодняшнего дня на американской стороне. Я был убежден, что тот, кто убивает, не имеет право на жизнь. Конечно, у меня было полно аргументов против этого убеждения, но деньги не оставляли им никакого шанса.

В своем бюро я первым делом вытащил деньги из сейфа и пересчитал их. Было ровно десять тысяч. Пересчитывал я их не потому, что не доверял Макс, а потому, что было приятно их считать. Я никогда не был особенно жаден до денег, но в последнее время я совсем по-другому стал смотреть на них. Я понял, что деньги не делают человека счастливым, но отсутствие их делает его несчастным.

Положив пачку денег в нагрудный карман, я пешком прошел в центр города. В сберкассе я отдал почти полторы тысячи. Это была моя задолженность по процентам за последние три месяца. Три тысячи я положил на свой счет, закрыв, таким образом, мой минус. Вернувшись к своей машине, я поехал на заправку и заправил полный бак бензина.

Моя машина давно не получала полную заправку. Кредит на нее я брал в Сити-банке. Здесь я отдал еще восемьсот евро, проценты за два месяца. В автохаузе «Мерседес» я договорился с шефом, что он примет у меня назад мою машину. Я проигрывал почти три тысячи, но дальше рисковать с кредитами не хотел. У нас была еще одна машина, подержанный «гольф», на котором ездила моя жена. Пока нам хватит одной машины. На своем «мерседесе» я мог еще до первого мая ездить.

Дома из оставшихся пяти с половиной тысяч евро я отдал жене две тысячи, оставив себе три с половиной. Для меня было уже ясно, где я буду искать исполнителя заказа моего клиента. Он должен быть не отсюда, не из Германии. Единственное место, где я хорошо ориентировался и где я мог найти такого специалиста, был юг Казахстана. Туда я намерен был поехать. По моим расчетам, трех с половиной тысяч евро должно для начала хватить.

Макс приехал снова на такси. Я видел, как он рассчитался с таксистом, бросил беглый взгляд вправо и влево и вошел в подъезд дома, где находилось мое бюро. Он вошел в бюро, прошел к столу, протянул мне руку и сел на стул. В глазах его застыл вопрос и надежда.

— Вы все обдумали? Согласны найти киллера?

Отступить мне теперь было некуда. Да и не хотел я отступить.

— Да.

Он облегченно откинулся на спинку стула.

— Каковы ваши условия?

— Я пока еще не знаю, сколько это будет стоить. Вы понимаете, что я не могу с вами оформить договор. Для гарантии вы дадите мне наличными тридцать тысяч. После выполнения договора вы мне выплатите еще двадцать тысяч. Возможно, все это будет стоить больше.

— Я согласен.

Над названной мной суммой денег он не задумался ни на минуту. Если бы я назвал еще большую цифру, мне кажется, он и в этом случае согласился бы.

— Вы мне дадите адрес человека, которого нужно будет убрать, и его фотографию. Деньги привезете, скажем так, в конце этой недели после шести часов вечера.

Он вытащил из своего портфеля знакомую мне фотографию мужчины с холодными глазами и написал на бумажке его адрес.

— Для выполнения вашего заказа мне нужно примерно полтора-два месяца. Где я вас смогу найти в случае, если возникнут какие-нибудь вопросы?

Макс замешкался.

— Я вам дам номер моего домашнего телефона. Если что-нибудь нужно срочно решить, звоните, представьтесь «Отто» и скажите, что позвоните попозже. Я буду знать и на следующий вечер приеду сюда.

Во время всего разговора никто из нас ни разу не произнёс слово «убийство». Мы избегали его, мы боялись его, мы не хотели себя замарать этим словом. И имя нашей жертвы мы тоже не называли. Мы говорили о нем, как о неодушевленном предмете. Наверное, это успокаивало нашу совесть. Как бы мы ни хитрили, но то, что мы намерены были сделать, должно было стать самым заурядным убийством.

Макс уехал, а я пошёл в ближайшее бюро путешествий в центре города, заказал билет в город Бишкек и оставил свой загранпаспорт для визы. До вылета оставалось еще почти две недели.

На следующий день я взял свой дорогой фотоаппарат «кодак» с ночным объективом и поехал в соседний город. Улицу и трехэтажный дом, где жил мужчина с пустым взглядом, нашел быстро. Фамилия Косински была написана от руки на белой бумажке, косо приклеенной к самой верхней кнопке. Я поднял крышку почтового ящика. В нем лежала только одна рекламка. Похоже, хозяин был дома. Свою машину я поставил так, чтобы видеть подъезд дома, приготовил фотоаппарат, сделал два снимка дома и стал терпеливо ждать. Время тянулось медленно, и мне хотелось спать. Хмурое небо пролилось снова крупным дождем. Капли дробно били по крыше машины. Дождь перестал, и сквозь рваные просветы облаков начали стрелять лучи солнца. Снова запели птицы. От частных домов, где в палисадниках цвели деревья и цветы, несло запахом духов. По радио передавали песни старых лет, и каждые полчаса в новостях не сообщалось ничего нового. Трехэтажный дом был скучен и молчалив. Только однажды из окна на втором этаже вдруг послышалась громкая музыка и тут же оборвалась. Утром из подъезда вышли два школьника, а в десять часов неопрятно одетая женщина выскочила из подъезда, чуть ли не бегом исчезла в переулке и через двадцать минут вернулась с пакетом из булочной.

Он вышел из дома около двенадцати. Я узнал его сразу. Он был выше ростом, чем я ожидал, но выражение лица и пустые глаза были такими же, как на фотографии. В руках он держал рекламку из почтового ящика. На тротуаре он на мгновение остановился, словно раздумывая, куда идти. За это время я успел снять его два раза в полный рост. Косински пошел в сторону центра. Я вышел из машины, негромко прихлопнул дверь, замкнул ее и пошел по другой стороне улицы за ним. Он зашел в кафе, где выпил чашечку кофе и съел омлет. Примерно через полтора часа он вернулся домой и не выходил до самого вечера. Вечер его был занят посещением ночных кафе. В двух кафе он заказывал себе пиво и разговаривал о чем-то с мужчинами. В третьем кафе к нему подседа средних лет женщина. Они вместе выпили пива и водки. С количеством выпитого менялось настроение мужчины. В пустых глазах заискрилась жизнь, он оживленно говорил, и женщина смеялась после каждой его фразы. В одиннадцать часов они вышли

из кафе и долго шли по слабо освещенной улице почти до окраины города. Здесь они прошли в игротеку. Мужчина больше часа играл в бильярд, а женщина сидела у стойки бара и пила один стакан пива за другим. Около часа ночи он закончил последнюю партию, рассчитался с барменом за выпитое и вместе с женщиной, короткой дорогой, пошел пешком к своему дому. На этот отрезок им понадобился почти час. Они не торопились, часто останавливались и сливались вместе — видимо, в поцелуе. Он галантно придержал дверь, пропуская ее в подъезд, и через пару минут на третьем этаже зажегся свет.

Я приезжал к его дому еще три дня. Распорядок его дня был всегда один и тот же. Однажды днем он дольше задержался в кафе, где разговаривал с двумя совсем молоденькими девочками. Он сказал им что-то такое, отчего девчата быстро встали из-за своего стола и вышли из кафе. Одна из них вытирала слезы и повторяла: «Подлец, подлец!».

На третью ночь он поменял партнершу, с которой встретился во втором кафе. Но маршрут его остался все равно прежним. Он снова до часа ночи играл в бильярд и с новой партнершей пешком вернулся домой. Я отснял две полных кассеты, и когда проявил их, на плёнках был запечатлен каждый шаг Косинского. Он был снят в полный рост и вполроста, мрачным и смеющимся, трезвым и пьяным, грубым и добродушным. Кафе, их вывески и улицы, по которым проходил мужчина, тоже были на фотографиях. На карте города я жирным фломастером начертил привычный маршрут Косинского и отметил примерное время прихода и ухода из того или иного пункта.

Признаюсь, я все еще не знал, где и как буду искать исполнителя заказа моего клиента. Не мог же я, приехав в Казахстан, сразу у всех своих знакомых начать спрашивать, кого бы они мне рекомендовали в убийцы. Мне нужен был единственный отправной пункт, откуда я мог бы начать свой поиск. Его у меня не было. И это больше всего меня тревожило.

Моя жена училась в Технологическом техникуме. У нее есть подруга, с которой она училась и потом работала долгое время на одном предприятии, пока не вышла замуж за меня. С мужем подруги я не очень был близок. Еще там, в Казахстане, они несколько раз приезжали к нам в гости, мы однажды были у них в гостях. Сам по себе он мне не нравился. Вечно в делах, постоянные разговоры о каких-то аферах и сделках. Он работал снабженцем, и деньги у него водились. Они переехали в Германию сразу, как открыли границу. Георг или, как его друзья и близкие называли, Гоша несколько лет гонял машины в Союз, купил себе два грузовика и теперь возил товар и посылки в Россию и в Казахстан. За рулем он сам теперь не сидел. На него работали шофера. Он занимался ещё страховками и держал небольшой магазин, где за прилавком сидела его жена Соня. Когда мы ещё только переехали в Германию, они приезжали к нам в лагерь. Навезли кучу продуктов, сладостей и мелочей на первый случай. С тех пор мы не виделись. По телефону перезваниваемся часто, но в гости друг к другу не ездим. Они давно звали нас к себе, но всегда что-то мешало собраться и поехать к ним. Теперь же я попросил жену позвонить и сказать, что мы приедем к ним в гости. С одной стороны, я хотел сделать перед своим отъездом в Казахстан приятное жене, которая уже давно просила меня свозить ее к подруге в гости, с другой стороны, я знал, что Гоша имеет большие связи здесь, в Германии, и там, в Казахстане. Может быть, он мне назовет какое-нибудь имя, с которого я смогу начать свой поиск.

Гоша и Соня встретили нас у порога своего нового, недавно построенного дома. Выглядели они оба хорошо. Это и понятно. Когда у человека мало проблем, когда все идет так, как запланировано, не мучают ночные кошмары, тогда в семье все ладно и настроение прекрасное. Совсем по-другому было у нас. Наверное, на наших лицах можно было прочесть, что мы озабочены отсутствием денег, что у нас куча проблем и что из-за этого напряженная ситуация в семье.

Гоша был в своем репертуаре. Он в открытую хвастал своим домом. Мебель из самого дорогого мебельного магазина, зимняя веранда, полная замысловатых растений, дорогой новый «мерседес» в гараже. Поздно вечером, когда я и он были уже в хорошем подпитии, мы вышли с ним на зимнюю веранду и присели под незнакомой мне пальмой на плетеные кресла. Он закурил толстую дорогую сигару и с удовольствием затянулся. Дым от сигары, смешанный с водочным перегаром, был не очень приятен и вызывал легкую тошноту. Но, скорее всего, тошно было от избытка выпитой водки. Я начал издали:

— Как ты думаешь, Гоша, кто там, на юге Казахстана, держит теневой бизнес в руках? Раньше был Зият, но его, по-моему, года три, как убили.

Гоша выпустил густой дым через нос и, с сознанием своего превосходства в таких вопросах, ответил:

— Кто его убил, тот и держит там сейчас верхушку. Помнишь Мишу Мануйлова? Он был прорабом в тресте, где ты юристом работал. Вот он и держит там все в своих руках.

Мишу я знал хорошо. Это был интеллигентный мужчина с властным характером. У него были большие связи, и с ним считались все шишки как в районе, так и в городе. Я не думал, что он способен на убийство, и в то, что он убил Зията, мало верил.

— А чем сейчас занимается Баградзе Рено?

Баградзе с французским именем Рено был раньше директором крупного завода в городе.

— Он тоже сейчас крутой. У него два магазина в городе. Я возил ему несколько раз товар отсюда, из Германии. Недавно новую машину ему перегнал. По-моему, он занимается нелегально производством водки. Может быть, слухи, кто его знает.

— А кто мог Зията убить? Я не могу поверить, что сам Мануйлов убивал его.

Гоша весело рассмеялся.

— Ну конечно, он сам не убивал. Для этого есть специальные люди.

— Знаешь ты кого-нибудь из них?

Гоша удивленно посмотрел на меня.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

Я налил по пятьдесят грамм ему и себе в рюмки. Мы выпили.

— Да так, простое любопытство.

Он не стал больше спрашивать, и я тоже перестал приставать к нему с вопросами. Мы еще посидели под искусственной пальмой, выпили по рюмочке водки и, когда женщины нас позвали, разошлись спать.

Утром, перед отъездом, когда дочка и жена уже сидели в машине, Гоша отозвал меня в сторону и сказал:

— Найди в городе Губата. Он знает все подробности о смерти Зията.

По-моему, Гоша о чем-то догадался, но боялся об этом говорить. Я сделал вид, что для меня его информация не столь уж важна.

— Мне это не так важно. Ну давай, Гоша, прощаться. Вернусь из Казахстана — позвоню. Приезжайте тогда в гости.

Я обнял Гошу и его жену, сел в машину и выехал со двора.

В аэропорт меня отвезла жена. Я быстро прошел все формальности, сдал чемодан в багаж и точно по расписанию вылетел на «боинге» в сторону Средней Азии. Через несколько часов самолет приземлился в аэропорту «Манас». Уже на трапе, при выходе из самолета, я почувствовал, как обжигает меня горячий ветер. Яркое солнце било в лицо и с непривычки было невыносимым. В самом аэропорту было прохладней. Меня встречал Жора. Он был в милицейской форме с капитанскими погонами. Таможенники без досмотра пропустили меня через боковую дверь. Мы обнялись. На самом деле его звали Жандарбеком, но еще в институте на первом курсе мы перекрестили его в Жору, и с тех пор для друзей и родственников он так и остался Жорой.

— Ты меня удивил, — разглядывая меня, сказал Жора. — Так неожиданно собрался ко мне в гости. Почему же без Лиды?

— Лиду на работе не отпустили. Еще отпуск не заработала. А у меня время свободное появилось — вот и решил навестить своих старых друзей.

— Молодец. Надолго?

— На две недели. Если понравится, то еще на неделю останусь, если не прогоните.

— Отдыхай. Моя Алия сейчас не работает, а я возьму отпуск до конца недели. Съездим куда-нибудь. А со следующего понедельника сам управляйся. Мне длиннее отпуск не дают. Работы много. Если захочешь куда поехать, можешь моей машиной располагать.

Мы вышли из аэропорта и прошли к его машине. Это были старенькие «жигули». После шикарных европейских марок она выглядела убого и старомодно. И внутри было просто и дешево.

— Я думал, что ты уже себе новую машину купил, а ты все еще едешь на своем жигуленке, — сказал я.

— Хочу купить себе другую машину, но только соберу немного денег, как снова инфляция, цены вырастают, и моих денег не хватает.

— Ты же в милиции работаешь!? Милиционеры всегда жили хорошо.

— Не издевайся, Эдик. Ты отлично знаешь, кто хорошо живет, а кто плохо. Я простой инспектор уголовного розыска. Особо не разживешься.

Я не стал больше об этом говорить. Эта тема довольно скользкая и лучше ее не продолжать. Жора сосредоточился на езде, а я отвернулся к боковому стеклу и стал разглядывать проплывающий мимо ландшафт. Сразу за аэропортом начинался поселок. Раньше он был ухожен, а теперь центральная улица пестрела глубокими выбоинами. Местами асфальт совсем исчез, и за машиной поднималась и, из-за отсутствия ветра, долго стояла пыль. Начало мая, и трава вдоль обочины была еще зеленой. Там, где когда-то были плантации свеклы, обильно росли курай и камыш. Иногда в этот унылый ландшафт врезались своей свежестью зеленые квадратики люцерны и пшеницы. В одном месте дорогу долго переходили бараны. Один, рогатый и обросший чуть ли не до земли шерстью, старый баран остановился напротив «жигулей» и с любопытством разглядывал нас, сидящих в кабине. Через открытое окно влетела поднятая отарой пыль, смешанная с запахом шерсти и овечьего кизяка. За мостом через реку пошла более-менее хорошая дорога. «Жигули» разогнались, свежий воздух выгнал остатки овечьего запаха из машины, и под сквознячком стала просыхать взмокшая от пота рубаха.

В дороге мы говорили друг с другом мало. Жора сосредоточился на езде, а я наслаждался природой. Особой красоты не было, но это были места моего детства, места, где я родился, вырос, где бегал босиком по луговой жесткой, выгоревшей от солнца траве, где встретил свою первую любовь, с которой сидел ночами на холмике над рекой и любовался отражением в ней луны и яркими звездами в небе, где узнал радость первого поцелуя, надежду и первые разочарования. Для меня природа была красивой и родной, и от этого чувства близости к ней сходили в душу умиротворение и успокоение. На какое-то время ушли проблемы, забылось, зачем я приехал сюда. Опускавшееся на запад солнце стало красным, и от этого еще желтее стала трава на склонах, вода в реке, вдоль которой мы ехали, стала темно-синей, прошлогодний камыш качался на ветру, сгоняя со своих мохнатых верхушек нахальных стрекоз, острыми пиками рвался вверх к солнцу молодой камыш, тополя стояли шеренгой вдоль дороги, приветствуя проезжающих. Далеко на лугу торопилось домой стадо домашней скотины, и пыль, поднятая им, в лучах заходящего солнца долго стояла в воздухе. Простор и тишина. Насытившееся зеленью Европы, отсыревшее от бесконечных дождей, уставшее от городского шума, надышавшееся химическими отбросами и выхлопными газами

сознание свернулось во мне, как кошка на коленях своей ласковой хозяйки, и, мурлыча от удовольствия, впитывало в себя этот покой и тишину.

Жора, как будто почувствовав мое состояние, задумчиво смотрел на дорогу. С ним я познакомился, когда сдавал экзамены на юридический факультет. Все пять лет учебы мы прожили вместе в одной комнате в общежитии университета. Вместе проходили практику в Министерстве внутренних дел, и после окончания университета нас обоих направили работать в районную милицию. Я попал в свой район, а Жора оказался за триста километров от своих родных. На первых порах он жил у моих родителей, где мы снова делили с ним одну комнату, пока он не получил от горсовета место в общежитии. После двух лет работы в милиции я понял, что это не для меня, уволился и перешел работать в организованный недавно в районе строительный трест юристом. А Жора в милиции нашел свое место. Он сделал карьеру. Теперь он был начальником уголовного розыска горотдела милиции. По его словам, через пару месяцев его ожидало повышение в звании, и он должен был перейти работать в областное управление. Время его почти не изменило. На мужественном лице сурово светились темные глаза, под толстым мясистым носом торчали черные усы, на голове местами уже пробивалась седина, крепкие натренированные руки уверенно сжимали руль. Он был всегда уверен в себе и, если что-нибудь надумывал, то доводил до конца.

Когда мы въехали в город, на улицах уже начали зажигаться редкие фонари. Пару минут ехали по хорошей дороге, а потом свернули в переулок и по грунтовой, неосвещенной дороге подъехали к району новых, только что построенных домов.

— Ты мне не сказал, что новый дом построил, — сказал я, выходя из машины.

— Я уже забыл, что он новый. Больше года, как переехал сюда.

Он вытащил из багажника мой чемодан, и мы поднялись на крыльцо. В коридоре нас уже ждала жена Жоры, красавица Алия. Мы обнялись. Она была действительно по-настоящему красивой. Наполовину узбечка, наполовину казашка, она была высокой и стройной. Толстая коса лежала, скрученная на голове. На лице светились огромные черные глаза. Я был свидетелем на их регистрации. Вместе с ними я радовался рождению их первого и второго ребенка. Теперь дети были уже большими. Они стояли рядом с матерью и радостно улыбались мне.

— Какие джигиты уже выросли, — сказал я.

— Газиз уже третий класс заканчивает, а Болат — первый, — гордо проговорила Алия.

Бывшая учительница, она после рождения первого ребенка больше не работала и посвятила себя воспитанию детей.

В кухне варилось что-то вкусное. Запах еды напомнил о голоде. Мы прошли в зал. Здесь стояла новая мебель из красного дерева, мягкий гарнитур и длинный стол. Зал был настолько длинным и широким, что вся эта мебель занимала только половину его площади. В другом конце зала на полу лежал большой толстый ковер. На нем стоял маленький круглый столик, вокруг которого были беспорядочно разбросаны подушки. В одном углу стояли два деревянных, окованных железом, сундука, в другом лежали горкой сложенные атласные одеяла. На вешалке висели два богато расшитых халата, и по стене были развешаны старинная кривая сабля, камча с нарезной ручкой, конское седло и уздечка, украшенная чеканной медью.

Из зала я вернулся в коридор. Отсюда вела широкая лестница на второй этаж.

— Что там, на втором этаже?

— Спальни детей и наша. Там и тебе комнату приготовили.

Я поднялся по лестнице на второй этаж. Дом был построен добротно и со вкусом. Чувствовался западный стиль. Я оставил свой чемодан в моей комнате и спустился снова вниз. Один недостаток в этом новом доме я все же обнаружил. На весь дом была всего одна ванная комната, совмещенная с туалетом, и она

была на первом этаже возле входа в зал. Но для частных домов в этом городе и это уже был большой шаг вперед. Как правило, в таких домах все удобства находились в огороде.

Жора пригласил меня к столу. Здесь были расставлены тарелки, стояли бокалы и рюмки, горкой лежали пахучие баурсаки, и две бутылки потели в ожидании, когда их откроют. Алия несла уже мясо и лапшу к нему. Мы выпили за встречу. Давно не ел я свежую баранину и казы. Я ел без зазрения совести. Мне стесняться не надо было. Я был в этой семье свой, и сейчас, выпивая из пиалы наваристую сорпу и слушая приятный голос прекрасной женщины, сидевшей у самовара, я чувствовал себя больше дома, чем там, в моей тесной квартире, на шумной улице цивилизованного европейского города. Наговорившись досыта, вспомнив все, что было и чего не было, мы поздно ночью разошлись спать.

Утром я и Жора поехали на базар. Он надел свою милицейскую форму с капитанскими погонами.

— Почему ты не ходишь в свободное от службы время в гражданской форме? — спросил его я.

— На базар лучше в милицейской форме идти, — засмеялся он, — можно все намного дешевле купить.

Выйдя во двор, я еще раз осмотрел дом снаружи. Он выглядел массивным и удобным. Обложенный силикатным кирпичом под расшивку, покрытый медными листами, обрамленный водосточными трубами, он подчеркивал свою солидность и основательность. Во дворе стоял гараж, покрытый также медными листами. Он был закрыт. «Жигули» стояли во дворе, и я удивленно посмотрел на Жору.

— Ты почему не ставишь машину в гараж?

— Гараж занят, — ответил Жора и не стал объяснять, чем занят гараж.

— Откуда у тебя деньги на все это? Только вчера ты прибеднялся, как плохо живется работнику милиции.

— У меня богатые родители. Они помогли.

Его родителей я знал. Они всю жизнь провели в степи, на отгонах, и по тем временам они были действительно богаты.

На базаре, как всегда в воскресный день, было шумно и суетливо. Здесь многое изменилось. Базар разросся и занимал теперь в два раза большую площадь, чем раньше. Мы договорились с Жорой встретиться у входа на базар через час и разошлись в разные стороны. Он пошел к рядам с овощами, а я двинулся вдоль многочисленных маленьких киосков в надежде увидеть кого-нибудь из знакомых, кто мог бы меня навести на Губата или Рено. В киосках можно было купить все. Товары были, в основном, из-за границы. Конфеты разных сортов, тонкое нижнее белье западных фирм, радиоаппаратура и телевизоры. Много, что здесь увидел, я еще не встречал в Германии. В продавце одного из киосков я узнал бывшего слесаря с завода, где директором был Рено Баградзе. Он меня тоже узнал.

— Вы же работали раньше на железобетонном заводе? — спросил его я.

— Да. А вы в тресте у нас работали?

Я утвердительно кивнул головой. Задав пару дежурных вопросов, я спросил:

— Вы не знаете, где можно найти Рено?

— Он бывает иногда на своем заводе. Там у него склады. Но лучше спросите в магазине.

Он ткнул пальцем в сторону большого нового здания в конце ряда. Я распроштался с ним и пошел в сторону магазина. В магазине было прохладно и приятно пахло свежей колбасой и карамелью. За стеклом ровно гудящих холодильников лежала колбаса разных сортов, на стеллажах пестрели разноцветными фантиками карамель и шоколад, одну стену полностью занимали спиртные напитки и вина. Молодая симпатичная девушка выкладывала из картонного ящика в холодильник какие-то продукты. У кассы кавказского типа мужчина обслуживал женщину в

цветастом платье и с тяжелой сумкой в руке. У рядов с водкой стояло двое мужчин и возле стеллажа с конфетами — женщина с ребенком. Я подождал, пока расстается женщина с сумкой, и спросил кассира:

— Не знаешь, где я могу сейчас найти Рено?

Он задумался на мгновение и ответил:

— Он еще вчера уехал в Алма-Ату. Приедет в среду или в четверг.

— А Губата ты знаешь?

Кассир удивленно посмотрел на меня и отвел глаза.

— Нет. Не знаю.

Позади меня у кассы уже стояли женщина с ребенком и мужчина с двумя бутылками водки в руках. Я понял, что здесь мне больше ничего не добиться, и вышел из магазина.

На улице становилось жарко. Солнце стояло уже высоко, и его лучи, пробиваясь сквозь плотный материал рубахи, обжигали кожу. В горячем воздухе стояли запахи мант, шашлыка и нафталина. Хотелось пить, и я пошел к киоску, где продавали газированную воду. Этот киоск стоял на своём месте вечно. Менялись времена и правители. За социализмом наступил развитой социализм, за ним пришла перестройка. Социализм умер, и ему на смену пришел капитализм, но киоск с газированной водой все время стоял на этом месте, и возле него постоянно толпилась очередь измученных жаждой людей. И продавец, старый еврей, был тот же самый, что и пять, десять или двадцать лет назад. Он стал старше, голова стала серой от седины, но руки его по-прежнему умело ставили кружку под струю газированной воды, ловко подставляли ее покупателю, движением фокусника выхватывали деньги у него из рук и, не глядя, на ощупь отсчитывали сдачу. Наверное, если когда-нибудь умрет этот еврей, исчезнет киоск и уйдет в небытие еще что-то родное и привычное. Я с удовольствием выпил газированной воды с малиновым сиропом, вернул кружку и пошел к рядам, где спекулянты продавали новые и подержанные вещи. Никого из знакомых здесь я не увидел. Нужно было уже идти к месту встречи с Жорой.

Жора стоял у ворот и разговаривал с каким-то мужчиной. В руках он держал наполненную овощами сумку. Мы прошли к его машине и вернулись домой. После сытного обеда Жора отвез меня и своих сыновей на реку, а сам уехал на работу, куда его срочно вызвали. Боясь с непривычки сгореть на солнце, я старался, выйдя из воды, спрятаться в тени единственного на берегу дерева. Но песок под ним был все равно горячим, и его тепло приятно согревало остывшее в воде тело. Мальчишкам же все было ничем. Загоревшие уже до черноты, они часами бултыхались на мелководе, строили на берегу из мокрого песка замысловатые строения, ловили стрекоз и, между делом, задавали мне массу вопросов о жизни в Германии.

— Мой папа тоже несколько раз был за границей, — горделиво заявил мне старший из них.

О том, что он был за границей, Жора мне не говорил.

— Где он был за границей? — спросил я.

— Не знаю. Один раз он приехал оттуда на новом «мерседесе». Мне привез фотоаппарат, а Болату электронный вездеход.

Я задумался. Жора еще ни разу не обмолвился, что он бывал за границей. Надо бы у него об этом спросить.

Вечером, когда мы уже изрядно выпили, я спросил Жору:

— Газиз мне сказал, что ты был несколько раз за границей. Где ты был? Почему ты мне об этом ничего не сказал?

— Это были служебные командировки. Ничего особенного. Мелкие задания от Интерпола.

Странно, подумал я, какое отношение имеет инспектор уголовного розыска какого-то неизвестного городка в Средней Азии к европейской организации

«Интерпол». Видно, на эту тему Жора не очень был расположен говорить, и поэтому я не стал его больше расспрашивать.

Два следующих дня я на машине Жоры навещал моих бывших знакомых. Не каждому я мог задать вопрос о Губате. Чем занимается Рено Баградзе и где его найти, тоже мало кто знал. Оставалась одна возможность — поехать к заводу и там, может быть, его встретить.

Завод выглядел заброшенным. Там, где раньше были ворота, остались только две бетонные колонны. Здание заводоуправления смотрело пустыми окнами на проезжую часть. Я остановился напротив въезда на территорию завода так, чтобы мне видны были сам завод и вход в управление. Видневшаяся поодаль заводская котельная выглядела тоже заброшенной. К ней тянулись заржавленные железно-дорожные рельсы. Территория завода заросла кураем и перекатиполем. Я засомневался, что могу здесь встретить Рено, но все же решил с час подождать. Ярко светившее солнце начало нагревать кабину «жигулей», и я опустил боковые стекла. Стало легче дышать. Легкий ветерок, хоть и был горячим, но все равно немного освежал вспотевшее тело.

Примерно через полчаса из дверей конторы вдруг вышел мужчина. Издалека его национальность нельзя было угадать. Мужчина был высоким, и когда выходил из конторы, ему пришлось пригнуться. Он минут пять смотрел в мою сторону и опять исчез. «Значит, здесь все-таки кто-то есть», — подумал я и вышел из машины. Послышался шум работающего мотора. На улицу въехал крытый тентом КамАЗ. Он обдал меня вонью подгоревшего сцепления, запахом солярки и выхлопными газами. Из-за поднятой машиной пыли стало тяжело дышать. Я закашлялся. КамАЗ, не сбавляя скорость, влетел на территорию завода и по разбитой колее скрылся за цехами. Если мне память не изменяет, там были заводские склады.

Я сел в «жигули» и проехал к заводским цехам. Припарковав машину в тени, я вошел в цех. Здесь было прохладно, и из-за открытых ворот и разбитых окон гулял сквозняк. Толстый слой пыли покрывал пол, заржавленные стальные конструкции машин и вибраторные столы. Кое-где по пыли через цех тянулись цепочкой следы чьих-то ботинок. Под стеклянным фонарем по центру цеха из конца в конец тянулась ровная горка птичьего помета. И сейчас голуби и вороны сидели на крыше по краю фонаря и вели свои птичьи разговоры. На противоположной стороне цеха от ворот остался только стальной каркас, который криво висел на лопнувших навесах, угрожая в любую минуту упасть.

КамАЗ я нашел у складов. От мотора шло еще тепло. Из левого бензобака капала в пыль солярка. Ни одной живой души не было видно. Я открыл кабину КамАЗа. Оттуда понесло запахом пива и вонючими носками. В одном месте тент на кузове машины не был прикреплен к борту. Я приподнял его. КамАЗ был битком загружен ящиками с водкой. Все время, пока я крутился вокруг КамАЗа, меня не покидало чувство, что за мной кто-то наблюдает.

— Эй! Есть здесь кто-нибудь?! — крикнул я.

В цехах эхо повторило мои слова. Никто не отозвался. Длинные склады тянулись вдоль всего заводского здания. Три железные двери были недавно покрашены, и на двух из них висели массивные замки. Напротив того места, где стоял КамАЗ, дверь была слегка приоткрыта, и замок висел на проушине, поскрипывая на ветру. Я вошел в открытую дверь. Здесь было темно. Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел перед собой мужчину метра в два ростом. Он ударил меня чем-то, отчего у меня вдруг лопнуло в голове, заискрилось в глазах, и я провалился в беспмятство.

Как долго я был без памяти, не знаю. Очнулся от боли. Тонкий шнур, стягивающий сзади мои руки, врезался в кожу, голова тупо болела, и в правое плечо была колющая боль. Сырая, неоштукатуренная комната освещалась тусклой лампочкой. Окон не было, и только через чуть приоткрытую дверь пробивался дневной

свет. Из дальнего от меня угла слышалась какая-то возня. Я с усилием повернулся в ту сторону. Боль в голове от этого стала еще сильнее, и плечо пульсирующе заныло. В углу, стоя на одном колене, возился верзила. Он вытащил из кучи хлама старый, разорванный мешок и какую-то еще тряпку.

— Послушайте, товарищ, отвяжите меня, — с усилием выговорил я.

Он встал с колена, подошел ко мне, бросил на пол мешок и тряпку и ударил меня в левый висок. От удара я повалился на бок, как раз на то место, где лежали тряпки.

— Заткнись, мусор!

Он говорил с чеченским акцентом. Я теперь лежал на полу, на больном плече, и от удара голова наполнялась гулом, уходило сознание и подкатывала тошнота. Снизу верзила выглядел великаном. От его ног, обутых в стоптанные сандалии, несло вонью. Он ударил меня ногой в живот и, выключив свет, вышел. Дверь закрылась, щелкнул замок, и комната погрузилась в темноту. Как ни пытался, я не мог обнаружить даже маленький проблеск света вокруг меня. Я вращал широко открытыми глазами в разные стороны, но, кроме усиления боли в голове, это ни к чему не привело. В меня медленно вползал страх. То ли от страха, то ли от холодного пола меня начало трясти. Непроизвольно потекли слезы из глаз. Так я пролежал еще примерно час. Связанные руки онемели, и я их уже не чувствовал. В голове настойчиво звучала фраза: «O mein Gott!». Мысленно я начал себя убеждать в том, что все происходящее теперь со мной — это наказание Божье.

Со стороны дверей послышался какой-то шорох. Хлопнула где-то дверь. Тонкими ниточками заискрились лучики света. Дверь неожиданно открылась, и две фигуры вырисовались в ее проеме. Один был поменьше ростом, а у второго голова чуть ли не упиралась в верхний косяк. Разглядеть я их не мог. Мешал свет за дверью. Было больно смотреть в их сторону. Я зажмурил глаза. Что-то сказать сил не было. Во рту у меня пересохло и, казалось, язык присох к нёбу.

— Ты кто такой? — спросил тот, что пониже.

Я собирался с силами, чтобы ответить, но верзила меня опередил:

— Да мусор он, шеф. Я на базаре его с Жорой видел. Что с ним чикаться. Давай, я его в мешок запихаю и в реку выкину. Пусть сдыхает.

Тот, который пониже ростом, подошел ко мне и наклонился.

— Эдик! — удивленно вскрикнул он. — Ты что тут делаешь?!

Я узнал его голос. Это был Рено.

— Я тебя искал, — с трудом выдавил я из себя.

Глаза меня не слушались, устало закрывались, и я проваливался то ли в беспамятство, то ли в сон. Издалека доносился чей-то крик: «Дурак! Осел!» Кто-то тормозил меня. Я чувствовал, что куда-то лечу, и этот полет был бесконечен и приятен.

Очнулся на диване, в комнате, оклеенной светлыми обоями. Наполняя комнату прохладой, равномерно гудел кондиционер. Какая-то женщина сидела возле меня на корточках и массировала кисти моих рук. В них постепенно возвращалась циркуляция крови, и от этого пальцы слегка покалывало. Увидев, что я очнулся, женщина поднесла к моим губам стакан холодной воды. Я жадно и торопливо выпил воду.

— Ну отошел? — слышалось из дальнего угла.

Там в кресле у письменного стола сидел Рено и курил сигарету. Ее голубоватый дым слоисто распределялся по комнате и, дойдя до меня, вызывал легкое щекотание в носу.

— Что ты тут потерял, Эдик? Жора знает, где меня найти. Я бы сам к тебе приехал.

— Ты знаешь Жору? — спросил я.

— Жора свой человек. Коньяк будешь?

Я кивнул головой. Мне стало лучше, головокружение и боль в голове ушли. Продолжало еще болеть плечо и по-прежнему покалывало в пальцах. Рено подал мне наполовину наполненный стакан с коньяком, себе плеснул на доньшко. Мы выпили и закусили ванильными пряниками, лежавшими горкой в тарелке на тумбочке возле дивана.

— Хорошо, что я приехал. Этот идиот убил бы тебя без зазрения совести. Для него все, кто связан каким-то образом с милицией, кровные враги.

— Он твой телохранитель?

— Нет. Завскладом.

— У тебя здесь склады? А завод — что с ним?

— То, что я выпускал на заводе раньше, сейчас никому не нужно. Я его уже лет пять как закрыл. Оборудование и все, что можно было, снял и продал. Кое-что здесь еще на складах лежит. Занимаюсь теперь торговлей. У меня здесь в городе два магазина и ресторан в Алма-Ате.

— Водку сам производишь?

— Нет. Раньше, года три назад, у меня был подпольный цех, а сейчас с братом построили в Бишкеке маленький заводик и делаем водку разных марок совсем законно.

Рено открыл холодильник, достал оттуда три красиво оформленные бутылки Посольской водки, сложил их в полиэтиленовый пакет и положил возле меня.

— Тебе с Жорой. Пейте. Хорошая водка. Зачем ты искал меня?

— Мне нужен Губат. Ты знаешь его?

— Знаю. Почему ты его ищешь?

— У меня к нему деловой разговор.

— Что у тебя может быть общего с этим мафиози?

Я засмеялся. От смеха снова запульсировало в затылке.

— Так. Есть одно дело.

Рено налил опять коньяк в стаканы. В комнату вошла женщина. Она несла поднос, на котором лежали нарезанная кружочками колбаса, хлеб, редиска и несколько хвостиков зеленого лука.

— Закусывай, — сказал Рено и выпил из своего стакана. — Я попытаюсь найти Губата.

Мы допили остатки коньяка и вышли на улицу.

— Сможешь ехать? — спросил Рено.

— Да.

Подошел верзила. Он издевательски улыбался.

— Шеф, водку выгрузили. Отправить водителя отдыхать?

— Да. Пусть сегодня отдыхает.

Во мне зрела злость. Этот скот хотел меня убить. За что?! И ведь убил бы! Гад!

— Эй, идиот, иди сюда, — позвал я верзилу.

Его улыбка тут же сошла с лица.

— Что тебе надо, мусор?

Рено сказал ему что-то по-азербайджански. Верзила повернулся ко мне спиной и стал уходить.

— Стой!

То ли от выпитого, то ли от накопившейся злости, но для драки я уже созрел. Я догнал его и с силой рванул за рубаху, отчего она неожиданно разошлась по шву. Он развернулся и хотел меня ударить, но я опередил его и так, как меня учили на занятиях по каратэ, ударил его ногой в пах. Лицо его исказилось от боли, и он начал медленно опускаться на пыльную землю. От второго удара в лицо он повалился на бок. По-моему, он потерял сознание. Рено схватил меня сзади и оттащил от верзилы.

— Ты же убьешь его. Ну и дурак же ты, Эдик! — он толкнул меня в сторону «жигулей». — Езжай отсюда. Скажи Жоре, я приеду сегодня вечером к нему.

Верзила очнулся и пытался встать с земли. Его налитые кровью глаза зло смотрели на меня.

— Я тебя, мусор, зарезу или пристрелю, клянусь матерью, — выдавил он из себя.

— Смотри, как бы я тебя сам не прибил, козел, — прокричал я в ярости.

Водитель КамАЗа и Рено взяли чеченца под руки и повели в склад. Женщина у дверей склада одобрительно улыбалась мне. Видимо, чеченец и ей был уже поперек горла.

«Жигули» стояли теперь на солнце, внутри все нагрелось, и воздух был горячим. Я открыл оба окна, сел за руль, завел мотор и выехал с территории завода. От жары внутри машины меня еще сильнее развезло, и я почти ничего не соображал. Выпитое вместе с закуской подкатывало к горлу, вызывая тошноту. Надо было бы остановиться, но я сейчас хотел только одного: добраться до дома Жандарбека, облиться под душем холодной водой, лечь в прохладной комнате на мягкую постель и отключиться.

Алия была дома. Я, еле ворочая языком, сказал, что пойду в душ, и исчез в ванной комнате. Холодная вода била в мое тело, вызывая дрожь. В мозгах прояснилось, но усталость и желание спать остались. Мне по-прежнему было тошно. Я тут же вырвал в унитаз. Стало немного легче. Наверное, от удара по голове я получил легкое сотрясение. Не могло же мне быть так плохо от выпитого коньяка. Прихватив свою одежду, я в трусах поднялся на второй этаж, вошел в спальню и свалился на кровать. Засыпая, слышал, как меня о чем-то спрашивала Алия, но ничего не понял, и отвечать желания не было.

Проснулся, когда за окнами было уже совсем темно. Через щели прикрытой двери пробивался свет из коридора. За стенкой, в комнате детей, была слышна музыка. Мой мочевого пузырь должен был вот-вот лопнуть. Я не стал ждать этого момента, быстро влез в брюки и спустился в туалет. Из зала слышны были голоса. Я заглянул на кухню. Алия бросала как раз широко нарезанную лапшу в кастрюлю. Приятно пахло свежей бараниной и бульоном.

— Проснулся? — улыбнулась она мне.

— Кто в зале?

— Рено и Жора. Кушать хочешь? Иди в зал.

Я поднялся снова наверх, надел футболку и спустился в зал.

Жора и Рено пили водку. В бутылке оставалось еще грамм двести. Жора налил сто грамм в бокал и подвинул ко мне.

— Нет, спасибо, я пить не буду. Что за праздник у вас, что вы в будний день пьете?

— Я-то пью вечером, — засмеялся Жора, — а вы с утра уже заквашенные.

— Мы стресс снимали, — сказал Рено.

— Меня один идиот сегодня чуть не убил. Если Рено случайно не объявился бы на складах, кто его знает, что со мной сейчас было бы.

— В следующий раз на случай лучше не полагаться, — сказал Жора и спросил у Рено: — Это опять твой чеченец был? Он уже всем хорошо надоел.

— Мне тоже. Уволю я его. По-моему, он какими-то махинациями за моей спиной занимается. Вечно возле него какие-то подозрительные лица крутятся.

— Я знаю, чем он занимается, — задумчиво проговорил Жора. — Я таких типов сразу бы к стенке ставил. Без суда и следствия.

— Жора, ты же служитель власти, — засмеялся Рено. — Хорошо, что не ты законы придумываешь. По твоим законам, каждого второго надо бы расстрелять, и меня в том числе. Может быть, чеченец ничем темным не занимается. Просто у него характер такой паршивый.

— Я знаю, что говорю, — с какой-то злобой в голосе проговорил Жора. — Этот твой идиот плохо кончит. Я в этом уверен.

Я в их дискуссию не вмешивался, но мне странно было слышать эти слова от Жоры. Раньше он был много терпимей к людям. После его слов у меня на душе стало неспокойно. Если бы знал Жора, зачем я здесь, то, наверное, я был бы одним из первых кандидатов на место у стенки для расстрела. Или, согласно его теории, мне нужно памятник поставить? Кто я на самом деле? Заурядный убийца или рука правосудия? Ни тем, ни другим я не хотел бы быть, и самое большое желание моё было — бросить всё, уехать обратно в Германию и навсегда забыть эту историю. Но что-то удерживало меня. Где-то в самом углу моей совести сидело еще маленькое сомнение, которое оправдывало меня и мешало сделать этот единственно правильный шаг. Это как утопающий в океане: он видит вдалеке парус и изо всех сил держится на плаву — в надежде, что скоро придет его спасение, но парус исчезает вдаль, и единственное, что ждет пловца, — это дно океана.

Я так замкнулся в своих мыслях, что не слышал, как Жора о чем-то спрашивал меня. Только когда он толкнул меня в плечо, я пришел в себя.

— О чем задумался, Эдик?

— Так, ничего особенного.

— Пить не пьешь и не кушаешь.

— Спасибо, Жора, нет аппетита.

Мне действительно не хотелось есть. Чтобы не обидеть хозяйку, я выпил пиалку сорпы, и этого мне хватило. Рено выглядел усталым и бесцельно тыкал вилок в тарелку, пытаюсь зацепить лапшу.

— Позвони брату, — сказал он Жоре, — пусть приедет и заберет меня.

Жора пошел к телефону звонить. Мы еще минут десять говорили на разные темы, и когда на улице просигналила машина, с облегчением встали из-за стола.

— Проводи меня на улицу, — сказал мне Рено.

Я вышел вместе с ним к машине. За рулем сидел его младший брат. Он из машины не выходил.

— Я говорил с Губатом, — сказал Рено. — Приходи послезавтра к восьми часам в ресторан на Западе. Я вас познакомлю.

Рено сел в машину и уехал. Я вернулся в дом. Жора еще сидел за столом. Вторая бутылка водки была наполовину пуста. Я знал, что ему надо много выпить, чтобы опьянеть. Вот и сейчас он не был пьян, но таким я его еще не видел. Он смотрел отсутствующим взглядом куда-то в одну точку на стене, и мысли его были совсем далеко. Я оставил его одного и прошел на кухню. Алия домывала посуду. Она тоже о чем-то думала, и когда я вошел в кухню, испуганно вздрогнула.

— Что это с Жорой? — спросил я. — Сидит в зале какой-то потерянный.

— Устал, наверное.

Она проговорила эти слова с напряжением, и видно было, что ей ни о чем не хотелось говорить.

— Уже поздно. Пойду спать.

Спать мне не хотелось, но и здесь я был в этот момент лишний. Я поднялся наверх, лег в свою постель и стал читать начатую раньше книгу.

До встречи с Губатом было еще два дня. Червь сомнения продолжал грызть меня. Их было даже два. Один вгрызался в меня, требуя свернуть мою сомнительную миссию, другой ставил мне вопрос за вопросом. И главный вопрос был, нужный ли это человек — тот, с которым я должен встретиться в ресторане. Как мне с ним говорить? Как начать разговор? Сомнения, сомнения...

Май был прекрасен. Давно не видел я такого тепла. Термометр в тени показывал больше тридцати градусов. После апрельских дождей отовсюду лезла зелень. Маки окрасили в красный цвет поля и обочины дорог. Цвела сирень, вызывая в

груди тоску и желание любви и ласки. Вода в реке была теплой, и нагретый песок прогревал тело до последней косточки. Каникулы еще не наступили, и на берегу было тихо. Иногда пролетит сорока, степная куропатка, забыв об осторожности, пробежит мимо, в лощинах, где после весеннего разлива реки стояла еще вода, важно вышагивали цапли, вылавливая неопытных, только что народившихся лягушат и головастика. Ласточки, предвещая и в дальнейшем хорошую погоду, суетливо летали высоко в небе. Вдалеке, на другом берегу, виднелась чабанская юрта. Оттуда приносило ветром запах горелого кизяка и кислого молока. После весеннего паводка вода в реке упала до нормального уровня, и теперь течение было не таким быстрым, но все равно: там, где берега круто обрывались к реке, нет-нет, да было слышно, как вдруг с громким всплеском падал в воду кусок подмытого берега. От этого звука, как после сигнала, просыпалось все живое вокруг. Тяжело поднимались перепелки с земли, испуганно верещали воробьи, суслики спасались в своих норах, собаки на другом берегу начинали громко лаять в эту сторону, цапли замирали на своих тощих ногах, вытягивали длинные шеи и удивленно смотрели в сторону всплеска. Было жарко, но терпимо. Мое тело почти не ощущало эту жару. Это, наверное, потому, что я родился в этих местах и мой организм с рождения был приспособлен к такому жаркому климату. Я лежал на берегу, наслаждался тишиной и окружающей природой и старался отключиться от мрачных мыслей. И когда мне это удавалось, я был по-настоящему счастлив.

Я пришел в ресторан к восьми часам. Людей в нем было еще мало. Через затемненные шторами окна пробивались лучи заходящего солнца. У гардероба перед входом в главный зал уже зажгли настенные плафоны. Я прошел в зал. Здесь было тихо. Несколько пар сидело в затемненных и огороженных барьерами углах. Два молодых официанта скучали у стойки бара. Из кухни слышен был оживленный разговор двух женщин. Я занял место в одной из кабинок и стал изучать меню. Тут же подскочил официант и в ожидании остановился напротив меня. Честно говоря, есть мне не хотелось. Алия нажарила к обеду беляшей, и я в охотку съел их с десятков. Под вечер я напился чаю с баурсаками и теперь был сыт. Увидев, что в меню стоит окрошка, я решил все же заказать себе тарелочку. От жирной еды сушило во рту, и окрошка была бы кстати.

— Порцию окрошки и бутылку пепси, — заказал я официанту.

Тот быстро что-то черкнул в своем узком блокнотике и тут же исчез.

До отъезда в Германию я был несколько раз в этом ресторане. Он был не очень популярен. Серые стены, бедная обстановка, назойливый запах протухшего мяса из кухни, мухи, крошки на полу — так выглядел этот ресторан раньше. Типичная столовая. Теперь же из кухни несло чем-то вкусным. Вдоль стен главного зала располагались отдельные кабины для гостей. Их деревянные перегородки были украшены резьбой по мотивам казахских сказок. Мебель из красного дерева, стулья, обитые зеленым плюшем, хрустальные люстры, свисавшие с потолка, еле слышное жужжание кондиционера, праздничная одежда официантов и чистота создавали уют и вызвали доверие.

Официант принес мне окрошку в глиняном горшке. К окрошке подали деревянную ложку. Вместо хлеба в плетеной корзиночке лежали свежие, только что из тандыра, лепешки.

Рено задерживался. Зал постепенно наполнялся людьми. В дальнем от меня углу на маленькой сцене появились музыканты, которые не спеша начали расставлять свою аппаратуру. К двум прежним официантам добавились две новые официантки. Одну из них я знал. Она училась со мной в одной школе. Одно время я ухаживал за ней, но ей в то время нравились другие мальчики. Я с интересом наблюдал за ней из своей кабины. Плотная прилегающая белая блузка красиво обтягивала полную упругую грудь, синяя мини-юбка подчеркивала ее фигуру и приглашала любоваться стройными ногами. Она дежурно улыбалась, принимая

заказы, и от улыбки вздергивался нос, а по углам губ появлялись две симпатичные складочки. Когда она, получив очередной заказ, спешила на кухню, я окликнул ее.

— Тоня, привет.

Она удивленно глянула в мою сторону и радостно улыбнулась.

— Не уходи, Эдик, будет посвободней, поговорим.

Рено пришел на целый час позже назначенного времени. В зале уже играла музыка, и несколько пар танцевали. На улице становилось темно, и в зале зажглись люстры, но в кабине оставался полумрак. Я задумчиво слушал мелодию старинного танго и не заметил, как пришел Рено. Он остановился в дверях кабины.

— Эдик, привет. Заждался? — он протянул мне руку. — Знакомься, Губат.

Я приподнялся и пожал протянутую через стол ладонь. Она была тонкой и мягкой. Ее пожатия я почти не ощутил. Молодой человек сел за стол. Ему было не больше тридцати лет. На тонком продолговатом лице сидели модные очки, через которые задумчиво смотрели карие глаза. Черные волосы были смазаны какой-то мазью и аккуратно уложены. Лицо гладко выбрито, только над тонкой верхней губой пробивалась двухдневная щетина. В ресторане его хорошо знали. Официант сразу объявился в нашей кабине. Губат что-то сказал ему по-казахски, тот черкнул ручкой в своем блокнотике. Рено заказал себе гуляш и бутылку коньяка. Я попросил принести мне бутылку пива. Губат все время молчал. Говорил, в основном, Рено. Он спросил, как мне отдыхается, чем занимается Жора, пожаловался на жару, посмеялся над тем, что меня чуть не убил его завскладом. Принесли заказанное. Рено разлил коньяк по рюмкам. Мы молча выпили. Они оба ели сосредоточенно, так, как будто в этом был весь смысл нашей встречи. Я пил холодное пиво и наблюдал, как работает в зале Тоня. Мы выпили еще один раз, после чего Рено встал и ушел в сторону выхода, где был бар и туалеты. Губат отложил вилку и нож и вопросительно уставился на меня. Я подождал мгновение, вытащил из нагрудного кармана фотографию и положил ее возле его рюмки.

— Я частный детектив. Этот человек живет в городе Н. Мой заказчик попросил меня найти человека, который смог бы выполнить одну опасную работу.

Слово «убить» я выговорить не мог. Губат скептически посмотрел на меня.

— Его надо убрать? — вопрос прозвучал так буднично, как будто речь шла о чем-то неодушевленном.

Я кивнул головой. Он взял двумя пальцами фотографию и долго смотрел на нее.

— Что у тебя есть о нем?

— Все. Адрес, привычки, где он бывает ночью, какой дорогой уходит из дома и какой возвращается, время ухода и время прихода домой.

Губат ткнул пальцем в сторону бара, где обслуживал посетителей пожилой узбек.

— Завтра отдашь ему конверт.

— Сколько это будет стоить?

— Двадцать пять тысяч долларов.

Он поймал мой взгляд, неожиданно улыбнулся и сказал по-немецки:

— Sonderangebot.

Он налил себе и мне по полрюмки коньяку, выпил, поднялся из-за стола, вытащил из бумажника несколько долларовых бумажек, положил их под свою тарелку и сказал мне:

— Оставь свой германский телефон у бармена. Через три-четыре недели тебе позвонят.

Рено он не стал ждать, а сразу ушел. Когда он проходил мимо столиков в зале, мужчины, сидевшие за ними, уважительно приподнимались, здороваясь с ним. Он слегка кивал головой и, нигде не задерживаясь, вышел из ресторана. Когда

Рено вернулся из туалета, он даже не удивился отсутствию Губата. Мы выпили еще по полной рюмке и стали вспоминать времена, когда существовал еще наш трест, когда мы были заняты, казалось, настоящей работой, когда мы еще верили в полезность того, что мы делали. Сейчас, с высоты прошедших лет, мы стали понимать, до какой степени наивны были мы раньше.

В этот раз я снова напился. Может быть, во мне все настойчивей просыпалась совесть, которая сопротивлялась тому, что я делал. Чем ближе был я к своей цели, тем сильнее рос во мне внутренний протест. Единственным способом уйти от этого протеста был алкоголь. Я никогда не был пьяницей, но теперь я вливал в себя пиво, коньяк или водку без счета, не думая о завтрашней головной боли, о приступах язвы желудка и об удивленных и осуждающих взглядах жены Жандарбека.

К двум часам ночи Рено уже был не в состоянии что-то говорить. Бармен с помощью официанта вывел его на улицу, и кто-то знакомый увез его домой. Я сидел в своей затемненной кабине и пьяно наблюдал, как Тоня рассчитывалась с последними посетителями ресторана. Она выглядела устало. Белая блузка местами плотно прилегала к потному телу, и соски на груди мелко подрагивали, когда она, подпрыгивая на своих голенастых ногах, шла к буфету. Во мне просыпалось желание. Мне хотелось потрогать эти упругие соски, целовать их, гладить ее бедра и обнимать узкую талию. Мне казалось, я снова в девятом классе, стою у стены в коридоре и завистливо смотрю, как десятиклассник Петя, лучший футболист школы, обнимает в укромном месте, за гардеробом, первую школьную красавицу.

Она пришла ко мне, когда музыканты собрали уже инструменты. В зале никого не было. Бармен у стойки буфета подсчитывал выручку. Из кухни слышался стук посуды. Я выглядел, наверное, смешно, потому что Тоня с улыбкой смотрела на меня. С трудом ворочая языком, я спросил:

— Закончила работу?

— Да. Ты всегда так пьешь, Эдик?

Я не ответил, а попытался встать из-за стола. У меня это плохо получалось. Она, продолжая улыбаться, подхватила меня под локоть и, с трудом удерживая, повела к выходу.

— Вызвать тебе такси?

— Нет. Пойдем к тебе.

Самым трезвым во мне было желание, и оно было сильнее алкоголя, головной боли и усталости. Я готов был раздеть Тоню здесь, прямо на крыльце ресторана. Мои руки шарили по ее телу. Она молча терпела мое хамство. Иногда только, когда я доходил до слишком интимных мест, перехватывала и убирала мою руку. Я не задумывался почему-то над тем, что она может быть замужем, что дома ее ждет семья и что у меня могут быть неприятности. Желание заполняло меня всего так, как будто у меня не было других чувств, других понятий, и в мозгу была только одна извилина, как у животного во время гона. Я не помнил, как очутился в доме Тони. Запомнились только какие-то обрывки. Включившийся и выключившийся свет в прихожей, стук двери, одежда, оказавшаяся на полу, и слова Тони: «Ну ты и идиот, ну ты и идиот!». Она говорила их почему-то совсем тихо, еле слышно, но в моей голове они отдавались многоголосым эхом. И потом наступила тяжелая, давящая тишина.

Проснулся я под утро. Где-то за окном, радуясь наступающему рассвету, пел соловей. Какие-то другие птицы пытались с ним соревноваться, но их пение было блеклым и невыразительным. Моя голова пульсировала болью, и язык присох к нёбу. Рядом спокойно дышала женщина. Ее левая нога до самого бедра была открыта, короткие волосы были взлохмачены, и левая рука упиралась мне в плечо. Ночью, кажется, я изнасиловал эту женщину, но было ли это в действительности,

сомневался. Я сомневался, был ли я вообще в эту ночь на что-то способен. Осторожно встав с постели, я стал собирать разбросанную по комнате одежду. Женщина проснулась. Она, стыдясь, прикрыла голую ногу и бедро.

— Уже уходишь?

— Да. Прости меня, Тоня, я был пьян.

— Ничего. Свои же. Приходи сегодня, я работаю только до десяти часов вечера. Собрав одежду, я оделся.

— Ты хочешь, чтобы я пришел?

— Да.

— Ты не замужем?

— Была. Два раза. Вон, в соседней комнате ребенок спит.

— Ты знаешь, я через неделю уеду.

— Ну и что? Ты мне всегда нравился. Только раньше слишком несмелый был. Она засмеялась.

— Хорошо. Я приду к десяти в ресторан.

— Захлопни дверь за собой.

Она повернулась ко мне спиной и ровно задышала. Я вышел, стараясь не шуметь. Во дворе у колонки стояло ведро с водой. Я жадно припал к ведру, и когда почувствовал, как изнутри уходит жар, окунул всю голову в ведро. До дома Жоры надо было пройти почти полгорода. Я был рад этому. Прохладное утро, тишина и размеренная ходьба располагали к мыслям. А подумать было о чем. Например, о том, что я впервые в жизни изменял своей жене. Дело даже не в том, было ли у меня что-то в эту ночь с Тоней или нет. Дело в том, что я по-настоящему хочу ее. И сегодня я пойду к ней. Я уже теперь с нетерпением ждал вечера и встречи с Тоней. Совесть моя в данном случае не сопротивлялась и была спокойна. Другое дело — мой заказ, который был почти выполнен. Мне оставалось только все, что касается Косинского, вложить в конверт и отнести бармену в ресторан. И тут моя совесть по-настоящему сопротивлялась. Хотелось все бросить, уехать в аэропорт и улететь домой. Я знал, что если доведу дело до конца, то в будущем меня будут постоянно преследовать холодные глаза Косинского. Но бросить все и уехать я не мог. Однажды в юности я случайно оказался у мясокомбината в Караганде. С той стороны, где принимают скот на убой. Стадо двухгодовалых бычков входило в огороженный досками проход. Он сначала был широким, потом все больше сужался, и в конце хватало места для прохода только одного бычка. Скотина чувствовала, наверное, что ее ждет впереди. Бычки искали выход справа и слева, пытались повернуть назад, но сзади напирали другие бычки, справа и слева был забор, и идти можно было только вперед, где ждал их неизбежный конец. Я чувствовал себя одним из этих бычков. Назад и в сторону уйти я не мог, и путь для меня был только вперед.

В доме Жоры, кроме него, все еще спали. Он сидел на кухне и ел булочку с маслом, запивая чаем. Мы поздоровались. Он налил мне свежего чая и подвинул ко мне тарелочку с булочками. Внимательно всмотревшись в меня, он поднялся со стула и ушел в зал. Оттуда он вернулся с пачкой аспирина.

— Выпей аспирин, а то на тебя страшно смотреть. Хочешь похмелиться?

— Нет, нет! — поспешил ответить я.

Одно напоминание о выпивке вызывало у меня тошноту.

— Я приеду сегодня поздно. Тебе машина нужна?

— Нет.

— Тогда я на «жигулях» уеду. Если что, звони. Может быть, пойдешь с Алией на базар? Ей надо кое-что купить.

— Я останусь дома. Отдохну.

— Да, тебе отдых нужен, — засмеялся Жора и вышел.

Проснулся я уже перед обедом. Голова больше не болела, но во рту было по-прежнему противно и сухо. Я спустился вниз. Дома никого не было. Видимо,

Алия ушла на базар, а дети были еще в школе. Я заварил себе крепкий чай, подсластил его малиновым вареньем и выпил подряд три стакана. Мне хотелось на речку, в прохладную воду. Жаль, что Жора уехал на машине, придется ехать километра четыре на велосипеде, а педали крутить не было никакой охоты. Я стал бесцельно бродить по дому. С того момента, как приехал, у меня, в сущности, не было времени его по-настоящему осмотреть. В зале я внимательно рассмотрел висевшие на стене уздечку, седло и саблю. Кожа уздечки и седла была старой, потемнела от времени и от многолетнего трения местами лоснилась. Бронзовая чеканка покрылась зеленоватым налетом. Вещи были сделаны рукой мастера, и им было, по всей видимости, больше ста лет. Настоящей редкостью была сабля. И на сабле, и на ножнах была нанесена тончайшая резьба по восточным мотивам. Костяная ручка заканчивалась разинутой пастью змеи. Я вытащил саблю из ножен. Ручка удобно легла в ладонь, приятная тяжесть напрягала мои мышцы, угрожающее остриё тускло поблескивало. Не одна голова, наверное, слетела с плеч, прежде чем люди придумали новые способы уничтожения себе подобных. Теперь и сабля, и седло, и уздечка одиноко висели на непривычной для них кирпичной стене, окруженные современной мебелью и слабыми людьми.

На втором этаже я заглянул в спальню Жоры и Алии. Мебель стояла новая, и откуда-то из Европы. Постель была аккуратно заправлена и накрыта атласным покрывалом. На комодe под зеркалом было расставлено все то, без чего современная женщина в наше время обойтись не может. Набор этот одинаков — что в Берлине, что в Лондоне, что в Сиднее, в Москве или в дальнем среднеазиатском городке. Разница только в этикетках, количестве, качестве и цене.

В детской комнате было все просто. Две односпальные кровати, шкаф, два стола для занятий, фотографии Шварцнегера и какой-то фотомодели в мини-юбочке на стене и забытые игрушки в углу в коробке.

В коридоре была еще одна дверь. Она была все время заперта, но сегодня оказалась приоткрыта, как бы приглашая войти в нее. Мне давно было интересно, что за этой дверью, но хозяев спрашивать об этом было неудобно. Я открыл дверь и вошел в маленькую и узкую комнату без окон. Через открытую дверь поступало достаточно света, и я мог ее хорошо рассмотреть. Справа, почти против двери, стоял продолговатый сейф, в котором обычно хранят охотничьи ружья. Он был заперт. Слева стоял двухтумбовый стол и рядом стул. На столе лежали пачка бумаги, русско-английский и русско-французский словари и квадратная деревянная коробка. Я открыл ее. В ней лежал аппарат, который я видел только в кино. Это был оптический прибор для ночной стрельбы. В свое время мы с Жорой начали заниматься в секции каратэ. Очень быстро у него интерес к каратэ пропал, а я все пять лет учебы в университете продолжал заниматься и был однажды призером городских соревнований. Жора же увлекся стрельбой. Он далеко пошел бы, если бы случайно не сломал себе правую руку. После этого он только тренировался в стрельбе, но в соревнованиях больше не участвовал. Разглядывая прибор, я думал, что он нужен Жоре для ночной охоты. Я выдвинул верхний ящик стола и обнаружил там еще одну коробку. В ней в специальных ячейках лежали пистолет неизвестной мне конструкции, две обоймы с пулями и продолговатый глушитель к пистолету. Этот оружейный набор и оптический прибор стоили, насколько я знал, кучу денег и простому человеку они недоступны.

Внизу послышались голоса. Пришли дети. Я закрыл коробку с пистолетом, задвинул ящик и вышел из комнаты. Спустившись по лестнице вниз, я сказал мальчишкам, что поеду на велосипеде на речку, и вышел из дома. Велосипед стоял прислоненный к воротам гаража. Я заглянул в щель гаражных ворот. Лучи солнца пробивались через редкие щели внутрь и отражались ярким блеском на черном лаке машины, марку которой я определить не мог.

Я крутил неторопливо педали и размышлял о том, что я видел в маленькой комнатке и в гараже. «Что все это значит? Почему Жора ничего не говорит о ма-

шине? Для чего ему ночной оптический прибор и пистолет с глушителем?» Одновременно всплывал вопрос, что это за командировки в Европу, о которых Жора не хочет говорить. Загадка на загадке. Я находился в состоянии того любителя кроссвордов, который знал почти все буквы, но правильное слово не складывалось.

Вернулся с речки, когда упала жара. В доме вкусно пахло пловом. Дети уже поели и смотрели телевизор. Алия предложила мне выпить, но я отказался. Она поставила поднос с пловом на маленький столик в зале, подсунула мне под бок две мягкие подушки, сама устроилась напротив, и мы неторопливо начали есть, обмениваясь короткими репликами. Мне хотелось ее о многом спросить, и я ждал только удобного момента. Как-то незаметно мы перешли к разговору о службе ее мужа.

— Жора скоро получит звание майора? Я слышал, что его, возможно, переведут в областное управление.

— Он не очень хочет уезжать отсюда.

— Почему?

— Здесь дом, который он сам построил. Здесь друзья и большие связи. Здесь он всех знает.

— Зато в областном управлении больше шансов карьеру сделать.

— Он не хочет долго в милиции работать.

— Как? Он же на хорошем счету. Даже за границу посылают.

— За границу он ездит по частным делам. Не от милиции.

Вот те на. Странно: или Алия ошибается, или Жора мне врал насчет Интерпола.

— Почему ты с ним не едешь за границу?

— Жора сказал, что если он поедет в Англию или Францию как турист, то обязательно возьмет и меня, и детей с собой. А в общем, Эдик, он меня просил насчет поездки за границу ни с кем не говорить.

— Почему же ты со мной говоришь об этом?

— Ты же, Эдик, можно сказать, член нашей семьи, — она засмеялась и ушла на кухню за чайником.

Я выпил с нею пару пиалок чая и стал собираться в ресторан на встречу с Тоней.

В ресторане, как и вчера, было много народа. Снова играла музыка. Я прошел к стойке бара и протянул приготовленный еще днем конверт стоявшему за стойкой узбеку. Тот, ничего не спрашивая, взял толстый конверт и положил в какое-то отделение под баром. Всё это произошло так просто. Только что, можно сказать, я подписал смертный приговор человеку. Все дни перед этим меня мучила совесть, а сейчас, отдав конверт, я как будто от чего-то избавился, и совесть вдруг успокоилась. Я больше был теперь обеспокоен чувством вины перед Тоней за вчерашнее, чем тем, что произошло несколько минут назад.

Я вышел на крыльцо ресторана и стал ждать Тоню. Она вышла красивая и уверенная в себе. На ней были светлые брюки и легкая голубая кофточка в мелкую клетку. Волосы ее были еще влажными после душа, выглядела она не так замученно, как вчера, и пахла дорогим шампунем и какими-то приятными духами.

— Пойдем пешком или поедем на такси? — спросила Тоня.

— Пойдем пешком.

Куда пойдем, я не понял, но послушно стал спускаться за ней с крыльца. Когда мы вышли на тротуар, сзади остановилась легковая машина. Хлопнула дверца. Инстинкт надвигающейся опасности заставил меня обернуться. У открытой двери старенького «форда» стоял верзила и смотрел нам вслед. Свет, падающий из окон ресторана, освещал его угрюмое лицо. За рулем сидел еще один мужчина. Верзила нагнулся и сказал что-то тому, кто был за рулем. На мгновение зажглись фары автомобиля, высветив нас в ночи. Чувство беспокойства вдруг овладело

мною. Оно прошло, когда мы зашли за угол, и машина исчезла из вида. Тоне я ничего не сказал. Уже наступила ночь. Луна тускло светила, окруженная загадочной хмарью. В тени деревьев было темно, но фонари на улице не включались. Они не включались, наверное, с того времени, когда развалился Союз. Тротуар был заасфальтирован только местами, мы больше шли по выбоинам и камням. Раньше это была самая благоустроенная улица в городе. Здесь стояло здание горкома. Теперь это громоздкое здание исчезло, и на его месте был пустырь. Оттуда несло залежалым мусором. Залаяла собака. Низко над головой пролетела летучая мышь. Тоня испуганно прижалась ко мне.

— Боюсь летучих мышей. Всю жизнь их боялась. Хотя они мне еще ничего плохого не сделали, — засмеялась она.

Улица была мне знакома. Вчера, наверное, я тоже шел по ней, но вчерашнюю ночь я не помнил. Я не помнил, как долго шли мы вчера, как выглядит ее жильё, и была ли это отдельная усадьба или многоквартирный дом. Только когда увидел во дворе колонку и рядом оцинкованное ведро с водой, вспомнил, где я был вчера.

— Я снимаю в этом доме две комнаты. Хозяйка живет через стенку. Хорошая женщина. Одна живет, дети давно разъехались. За жильё недорого берет. Правда, немного глуховатая, но это иногда даже хорошо.

Тоня достала из-под лежащего у крыльца камня ключ и открыла дверь. Широкий коридор делил дом на две части. Правая дверь вела на кухню. Мы вошли в дверь налево. Тоня указала мне на маленький диванчик:

— Садись, я посмотрю, спит ли дочь. Она сгорела сегодня на солнце. Уходила на работу, температура была.

Она ушла в смежную комнату. Оттуда послышалось хныканье ребенка. Я сидел один на диванчике минут пятнадцать. Когда ребенок затих, Тоня вышла ко мне. Она успела переодеться. На ней был короткий и тесный халат. Ее ноги вызывающе голо торчали из-под него, и вся ее фигура снова вызывала во мне бешеное желание. Я встал и обнял ее. Упругие соски через тонкую ткань халата упирались в мою грудь и доводили меня до исступления. Мои руки беспорядочно гладили ее тело. Она тоже хотела меня. Я это чувствовал и начал расстегивать халат. Под ним ничего не было. Нам не нужны были ни стоящая у стены односпальная кровать, ни диван: мы опустились на покрытый дешевым паласом пол и предались на нем любви.

Около двенадцати снова заплакал ребенок. Тоня накинула халат и ушла к девочке. Ее не было опять минут десять. Когда она вышла ко мне, ребенок продолжал плакать.

— Прости, Эдик, у Леночки снова жар. Я лягу с ней рядом. Если хочешь, ложись на кровать.

— Да нет, я пойду. Полчаса — и буду у Жоры дома. Может быть, зайти на телеграф и «скорую» вызвать?

— Не надо. Это пройдет. Телефон у бабки в комнате есть. Если что, могу сама позвонить.

— Хочешь, я тебе номер телефона моих друзей, у которых сейчас живу, оставлю?

— Оставь на всякий пожарный. Буду знать, где тебя найти.

Она положила на стол листочек бумаги и цветной карандаш и снова ушла к ребенку. Когда я уже оделся, она вышла ко мне. Мы обнялись.

— Иди, — сказала она, — я здесь у окна постою.

Я вышел из дома, спустился по крыльцу во двор и посмотрел на окно. Ее силуэт четко вырисовывался в оконном проеме. Выходя из калитки, я обратил внимание на стоявшую напротив дома машину. Это был тот же старенький «форд». Из-за дерева вышел верзила. Я приготовился к драке и пошел навстречу ему.

Удар по голове свалил меня с ног. Я забыл про второго человека. «Как неосторожно», — успел подумать я и потерял сознание.

Очнулся в машине. Через открытые стекла слышен был плеск воды. Справа были видны огни города. Слева был маленький обрыв, и за ним виднелась река. Под светом луны вода в реке то искрилась серебристым блеском, то становилась зловеще-черной. На фоне кустов, метрах в пятнадцати от машины, были видны два человеческих силуэта, и оттуда слышался громкий разговор. Они курили, и желтые точки сигарет то поднимались на уровень рта, то опускались вниз или делали замысловатые зигзаги. «Черт, неужели этот идиот действительно хочет выполнить свою угрозу», — подумал я.

В голове снова пульсировала боль от удара. За эти несколько дней я столько получил по голове, сколько не получал за всю предыдущую жизнь. Во мне начал разрастаться страх. Я попытался приподняться с сиденья, но не смог. Руки были сзади связаны веревкой и ремнем безопасности привязаны к сиденью. «Неужели это все?! Неужели так бессмысленно должна закончиться моя жизнь?!» Я снова начал думать о том, что моя смерть может быть наказанием за задуманное мною убийство человека. «Господи, ты же знаешь, что я вынужден это делать. Я и Косинский — мы же разные люди. Он заслуживает смерти, я же еще нет. Ведь это же несправедливо».

В зеркале заднего вида вдруг коротко мелькнул луч света. Он блеснул на мгновение и снова исчез. Где-то далеко послышался еле слышный звук мотора. Тонкий лучик света снова мелькнул в зеркале. Неужели кто-то едет в эту сторону? Эти двое не станут меня убивать при свидетелях. Я схватился за этот кусочек надежды, как утопающий за спасательный круг. С напряжением всматривался я в узкое зеркало впереди меня, вслушивался в ночную тишину, но зеркало было темным, и слышен был только звук струящейся воды и разговор двоих у кустарника. Редкая тучка закрыла луну, и все вокруг погрузилось в черноту. Светящийся окурочек сигареты полетел в сторону воды. Из меня уходила надежда, и я опять наполнялся страхом. Я всматривался в стоявших впереди двух людей и пытался уловить, о чем они говорят. Их разговор стал громче. Вдруг один силуэт исчез. Что-то закричал второй. Он стал нагибаться вперед и неожиданно тоже исчез с моих глаз. Все это происходило в течение каких-то секунд и сопровождалось глухим хлюпающим звуком. Этот звук напомнил мне звук входящей в землю пули, когда на военных сборах во время учебной стрельбы я не попадал в цель. Стало угрожающе тихо. Я испуганно, чуть ли не в трансе, сидел на сиденье и всматривался в ту сторону, где только что стояли два человека. Прошло минут пять. Никто не поднимался с земли. Луна по-прежнему была закрыта тучей, и поднялся порывистый ветер. Дверь с моей стороны резко открылась. Я хотел повернуться в ту сторону, но чья-то ладонь больно уперлась мне в лицо. Я почувствовал, как что-то холодное и острое прошлось по моим рукам. Завязанные на руках веревки ослабли. Ладонь с силой толкнула меня на сиденье. Я упал на бок. От машины быстро удалялся кто-то, но увидеть, кто это был, у меня возможности не было. Прошло еще минут пять, пока я освободился от веревок. Из левой ладони сочилась кровь. Вдали снова послышался шум мотора и тут же пропал. Я вытер окровавленную ладонь о сиденье и вышел из машины. Голова кружилась, и мне пришлось опереться на дверь, чтобы не упасть. Когда головокружение прошло, я пошел в сторону кустарников. Верзила и его друг лежали на земле без движения. Там, где их головы чуть ли не прикасались друг к другу, расплылось темное пятно. Я уже знал точно, что это кровь. Опустившись на одно колено, я попытался нащупать пульс сначала у верзилы, потом у его друга. Они были мертвы. Я быстро встал и пошел в сторону города. В моей голове продолжала пульсировать боль, болела порезанная ладонь, но я не обращал на это никакого внимания. Мне хотелось как можно быстрее исчезнуть с этого места. При этом я совершенно не задумывался над

тем, кто мог стрелять, кто разрезал мне веревки на руках и откуда этот человек мог знать, что происходит на берегу реки. Через полчаса быстрой ходьбы я был на окраине города. Здесь, выбирая наиболее темные стороны улиц, я шел еще минут сорок к дому Жоры. Дом был темен. Не видно было ни одного огонька. «Жигулей» во дворе тоже не было. Я осторожно открыл дверь и вошел в дом. В ванной снял с себя замаранные кровью брюки и рубаху и смыл под краном не совсем еще засохшие пятна крови. Внутри меня все продолжало мелко дрожать. Не стало легче и под душем. Я мучил себя минут десять холодной водой, и когда совсем замерз, вылез из-под струи и вытерся насухо полотенцем. На голове, в том месте, по которому я получил удар, выросла шишка, и из рассеченной кожи сочилась жидкость. На кухне я достал из холодильника бутылку водки, смочил прихваченную из ванной вату и приложил ее к ране. Налив грамм сто пятьдесят водки в стакан, я выпил. Водка обожгла все внутри. Через пару минут внутренняя дрожь прекратилась. Прижимая вату к голове, я поднялся на второй этаж. В комнате Алии зажегся свет. Она, одетая в халат, вышла из спальни.

— Что с тобой случилось? — спросила она обеспокоенно. Я стоял перед нею в трусах, с мокрой после душа головой, прижимал к ране кусок ваты и выглядел или смешно, или трагично.

— Ничего особого. Не заметил сучок на дереве. Где Жора?

— Он часа два назад уехал. Кто-то звонил ему. Наверное, из милиции.

Я вошел в свою комнату и захлопнул за собой дверь. После выпитой водки на меня вдруг навалилась усталость, и мне хотелось спать.

Рано утром меня разбудила Алия.

— Тебя к телефону, Эдик. Какая-то женщина.

В голосе Алии слышался упрек. Она дружила с моей женой и, конечно же, догадывалась, где пропадал я последние ночи. Звонила Тоня.

— Эдик, с тобой все в порядке?! — в ее голосе звучало некоторое облегчение и в то же время тревога.

— Да. Со мной все в порядке.

— Я видела в окно, как тебя кто-то ударил. Когда выбежала на улицу, машина уже тронулась с места. Я номер записала и сразу позвонила твоим друзьям. Жандарбек — это начальник уголовного розыска города? Ты у него живешь?

— Да.

— Ну тогда ясно. С тобой ничего не может случиться, — она с облегчением засмеялась в трубку.

— Тоня, ты никому, кроме Жандарбека, не говори о том, что видела ночью.

— Почему?

— Позже объясню. Ты до которого часа сегодня работаешь?

— Сегодня не приходи, Эдик. Петр приехал. Ты его знаешь, он учился в нашей школе. Он отец моей дочери. Я не хочу, чтобы он тебя со мной увидел.

Она помолчала и потом тихо сказала:

— Нам, наверное, не надо больше встречаться. Прощай.

Щелкнула трубка и пошли гудки. Она хорошая женщина, но по-настоящему я любил только свою жену.

Я целый день не выходил на улицу. Меня охватило предчувствие чего-то непонятного и страшного. Жора тоже дома не объявлялся. Тоня позвонила еще раз вечером. Она была в панике.

— Эдик! В ресторане говорят, что на берегу два трупа нашли. И машина рядом та самая, на которой тебя вчера ночью увозили. Эдик, что теперь будет?!

— Успокойся, Тоня.

— Не ты их?.. — она не закончила фразы и замолчала.

— Как и чем?! Слушай, я был без памяти, а когда очнулся, они были уже мертвые. Я не знаю, кто это был. Честно. Тоня, ты никому ничего не говори. Никто же не

знает, что ты видела этих двоих ночью. Если ты будешь молчать, никто тебя спрашивать не будет. Тоня, я прошу тебя, молчи.

— Хорошо, — тихо проговорила она в трубку, — я буду молчать.

Она ждала, что я скажу еще что-нибудь, но я не знал, что ей сказать, и в конце концов Тоня положила трубку.

Алия целый день вопросительно поглядывала на меня, но, как настоящая восточная женщина, вопросов не задавала. Жора пришел поздно ночью. Я был в своей комнате и слышал, как внизу он говорил о чем-то с женой. Он поднялся наверх, заглянул в комнату детей, о чем-то минут пять с ними говорил и потом зашел ко мне.

— Мне надо с тобой поговорить. Пошли в зал.

Мы спустились вниз. Алия поставила нам самовар и заварила чай в фарфоровом чайнике. На столе стояли сладости и две пиалки. Жора ушел на кухню и вернулся оттуда с бутылкой коньяка и двумя стограммовыми стаканчиками. Он подождал, пока выйдет из зала Алия, налил по полному стаканчику, стоя выпил и только потом сел напротив меня.

— Выпей.

Я выпил и спросил:

— Ты был вчера ночью на берегу?

— Какая разница.

— Ты стрелял?

Он молчал.

— Нужно было стрелять?! Ведь если бы ты подъехал, они ничего не сделали бы мне. Как ты мог?!

— Эдик, ты ничего не понимаешь. У обоих были при себе пистолеты. Чеченец меня давно уже ненавидел, и, если я объявился бы возле вас, он, не задумываясь, уложил бы меня на месте. Тебе было бы легче, если бы мы оба кормили рыб на дне реки? Что ты так жалеешь их?! Они скоты, по которым давно пуля плакала!

— Жора, они же люди!

— Эти люди полкилограмма героина в машине имели. А для тебя в багажнике лежала чугунная болванка килограмм на тридцать. Если бы не я, тебя давно не было бы. Может быть, месяца через два всплыл бы где-нибудь.

— Мне всю жизнь молиться на тебя за свое спасение, что ли?

— Необязательно.

Он был раздражен, но сдерживал себя.

— Что будем делать? — спросил я после долгого молчания.

— Я надеюсь, что ты не пойдешь сдавать меня в милицию?

— Нет, Жора.

— Да тебе все равно никто не поверил бы.

— Почему?

— Потому, что ты один из главных подозреваемых.

— Как так?!

В который раз за эти дни на спине начал выступать холодный пот.

— Я хоть и начальник отдела уголовного розыска, но дело по двум обнаруженным трупам ведут мои инспекторы. Они уже допрашивали Рено и его работников и знают, что у тебя была драка с чеченцем. И то, что ты угрожал его убить, тоже стоит в протоколе. Завтра или послезавтра приедет кто-нибудь из областного отдела. Меня, скорее всего, от этого дела отстранят, потому что один из подозреваемых мой друг и живет в настоящее время у меня.

— Жора, ведь никто не видел, что я с ними был на берегу.

— Ты же должен знать, как легко найти третьего, кто был в машине. Мои инспекторы были не особенно внимательны при осмотре машины. А специалисты из области в первую очередь заинтересуются отпечатками пальцев в машине и

пятнами крови на сиденье. Если у них будет за что зацепиться, то правды они добьются. Я должен буду завтра взять тебя в милицию на допрос. Эта женщина, что звонила мне ночью, кто она?

— Тоня, моя бывшая одноклассница. Она будет молчать. Я сказал ей, что тебе она может доверять.

— Плохо, что здесь женщина замешана. Ладно, это я возьму на себя. На допросе про берег ничего не говори. Ты был у этой женщины и оттуда сразу вернулся ко мне домой. Ясно?

— Да.

— Про драку с чеченцем на заводе можешь рассказывать. Здесь все равно были свидетели. Как фамилия твоей одноклассницы и где она живет?

Я назвал фамилию Тони и примерно рассказал, как найти ее.

— Но сейчас она еще в ресторане. Она работает там.

Жора поднялся со стула.

— В ресторан я, конечно, не пойду.

— Что ты надумал, Жора?

Видимо, в моем голосе было что-то, потому что он вдруг зло засмеялся и, глядя на меня в упор, сказал:

— Я знаю, о чем ты сейчас подумал. До такой степени я не опустился.

Наверное, именно в этот момент в наших отношениях что-то нарушилось. Маленькая трещинка пролегла между нами.

— К твоему сведению, ты не единственный подозреваемый в этом деле. Эти двое занимались продажей наркотиков и, может быть, их убрали конкуренты. Эти двое не первые и не последние, кого из-за наркотиков убирают с дороги. Во всяком случае, я пытаюсь, пока еще в состоянии, повернуть следствие в этом направлении.

Он выпил еще коньяку и, не пожелав мне спокойной ночи, ушел наверх в свою спальню.

Я сидел еще некоторое время в зале. В голове было пусто. Я как будто раздвоился. Тело мое сидело за столом, а сознание где-то витало в вакууме и не хотело возвращаться назад, потому что здесь, в действительности, все было сложно, непонятно и страшно.

Утром я вместе с Жорой поехал в милицию. По дороге мы молчали, но это было не то молчание, в котором мы ехали из аэропорта. Тогда мы молчали, наслаждаясь природой, заходящим солнцем, свежестью надвигающегося вечера и встречей друг с другом. Теперь же молчание было тягостным, и каждый был бы рад как можно скорее разойтись. Жора провел меня на второй этаж, к начальнику милиции. В его кабинете сидел уже один из инспекторов. Начальник милиции был в звании майора, и лет ему было за пятьдесят. Сначала были формальности. Фамилия, имя, отчество, год и место рождения, место жительства и так далее. Когда речь зашла о гражданстве, немного замешкались.

— Я гражданин Германии. От казахстанского гражданства отказался еще два года назад, — сказал я.

Начальник милиции был со мной до такой степени вежлив, что предложил:

— Вы можете позвонить в немецкое посольство и информировать их об этом допросе.

— Я не чувствую себя в чем-то виноватым, поэтому звонить в посольство не вижу необходимости.

В самом начале допроса Жора ушел. Вопросы задавал начальник милиции, а молодой инспектор печатал на машинке. Мне показали две фотографии и спросили, знаю ли я этих людей. Верзилу я сразу узнал, а второй мне был действительно незнаком. Я показал на фотографию чеченца и рассказал о стычке с ним на заводе.

— После того дня вы еще встречались с ним?

- Нет. Больше этого типа я не видел.
- Где вы были в ночь с понедельника на вторник?

Я ответил на этот вопрос так, как мы условились с Жорой. Майор показал пальцем на рану на голове.

- Откуда у вас это?
- Эта шишка и рана от удара еще с того дня, когда у меня была драка с чеченцем.
- А выглядит она совсем свежей.
- На мне вообще все плохо заживает.
- Откуда рана на руке?
- Ножом порезался у Жандарбека дома.
- На сиденье машины на месте происшествия обнаружена кровь. Мы отправили ее в лабораторию. Возможно, что нам понадобится ваша кровь для анализа.
- Я не вижу в этом никакой необходимости. К убийству этих двоих я не имею никакого отношения.

- А к наркотикам?
- Я не понял вашего вопроса.
- В машине убитых нашли героин. Может быть, у вас на этой почве с ними ссора произошла?
- Я же вам сказал, что чеченца после драки на заводе больше не видел. Второго я вообще не знаю. Неужели вы думаете, что я, юрист по образованию, имеющий собственную детективную контору в Германии, могу иметь какое-то отношение к наркотикам?

— Молодой человек, — с сарказмом проговорил начальник милиции, — я долгое время работал в отделе по борьбе с наркоманией. Кто только не попадался нам: дипломаты, офицеры самого высокого ранга, крупные инженеры, партийные работники и члены правительства. Так что не будем об образовании и должностях.

Меня допрашивали больше часа. Конечно, если бы я не был другом Жандарбека, разговор был бы совсем другим. Так вежливо со мной не говорили бы. Пока же мне верили, и это было сейчас главным. Только бы еще Тоня подтвердила, что я был в ту ночь у нее. В принципе, ей врать не придется. Ей надо только молчать о том, что случилось на улице перед ее домом, когда я вышел от нее. С Тоней я столкнулся на лестнице. Вместе с каким-то лейтенантом она поднималась на второй этаж. В ее глазах стоял испуг. Увидев меня, она виновато улыбнулась. Я взял ее за локоть:

- Здравствуй, Тоня. Я подожду тебя на улице.
- Она кивнула головой в ответ. Долго ее не держали. Уже через двадцать минут она вышла на улицу. Выражение испуга исчезло с её лица.
- Все нормально? — спросил я.
- Да. Меня только спросили, действительно ли ты был в ту ночь у меня, и знала ли я тех двоих убитых.
- Пойдем, я провожу тебя домой.
- Не надо, Эдик. Знаешь, я, наверное, уеду отсюда. Петя хочет, чтобы я вернулась к нему. Он не пьет больше. Да и девочке отец нужен. Поеду с ним в Россию. Терять мне нечего.

Она подошла ко мне, чмокнула в щеку и быстро пошла в сторону своего дома. Жору я не стал ждать. Да и он, наверное, не горел желанием меня видеть. Я пошел в сторону базара. День был опять солнечный и жаркий. За эти полторы недели я уже хорошо загорел. Как было бы прекрасно, если бы я просто отдыхал здесь, если не было бы необходимости кого-то искать и о каких-то сомнительных вещах договариваться. Как было бы прекрасно, если бы я не столкнулся с этим идиотом, который лежит теперь с дыркой в голове в морге. Как было бы прекрасно, если бы я не встретил Тоню. Как было бы прекрасно, если бы Жора оставался

прежним жизнерадостным и открытым другом. Но прекрасной оставалась только погода. Все остальное было до тошноты плохо. И, главное, во всем, что произошло, был виноват только я. Сначала я пытался себя оправдать. Искать человека для выполнения заказа заставляла моя тупиковая ситуация, мои долги, моя нищета. На драку с чеченцем меня спровоцировал он сам. Тоня мне еще со школы нравилась. Жора не должен был стрелять в этих двоих. Он же мог с несколькими коллегами все по-другому организовать. Но с этими аргументами не приходило успокоение. Если копнуть глубже, меня ничто не оправдывало. У миллионов нет денег, масса людей нищенствует, но не каждый готов вылезать из нищеты за счет смерти другого человека. Так ли было необходимо драться с чеченцем? Ведь все тогда закончилось бы хорошо. Ехал бы спокойно домой. И с Тоней не было никакой любви. Было животное желание и стремление доказать ей, что я лучше тех, кого она предпочла мне в своей юности. Только в отношении Жоры я был виноват — и, в то же время, не мог оправдать его. Мы были с ним одинаковы. На нас была одна и та же печать — печать убийц.

На базаре было, как всегда, шумно и многолюдно. Но мне было сегодня здесь неинтересно. Я потолкался с полчаса у прилавков и пошел в сторону дома. На душе у меня было беспокойно. Тревога, как заноза, сидела внутри, перерастая временами в страх. Я знал: рано или поздно в милиции узнают, кто был третьим в машине, и тогда мне нужно будет сказать, кто стрелял в этих двоих. Мало кто поверит мне, что я был без сознания и ничего не видел. После драки с чеченцем, после моих угроз в его адрес я действительно могу оказаться единственным, на кого можно списать эти два трупа.

Целый день я не выходил на улицу. Читал, смотрел телевизор. За обедом и ужином я молчал и был невнимателен, когда меня спрашивала о чем-нибудь Алия. Она смотрела на меня вопросительно и выглядела растерянно. Жора приехал опять поздно. Я с надеждой ждал в своей комнате, когда он поднимется ко мне. Но он не торопился. Весь напрягшись, я прислушивался к доносившимся снизу голосам, но о чем говорили Алия с Жорой, разобрать не мог. Наконец голоса стихли и послышались шаги на лестнице. Я взял книгу в руки и сделал вид, что читаю. Жора открыл дверь и вошел в мою комнату. Он был непривычно мрачен. Чувствовалось, как маленькая трещинка в наших отношениях превращается в широкую щель.

— Нам надо поговорить.

Он взял стул и сел напротив меня.

— Меня от расследования отстранили. Завтра приедет оперативная группа из области. Они, конечно же, в первую очередь, начнут проверять версию твоей причастности к убийству. А если еще анализ крови покажет, что ты был в машине, то хорошего ждать нечего.

— Что мне делать, Жора?

— Меня больше всего беспокоит, что, если они за тебя по-настоящему возьмутся, ты сдашь им меня.

— Ты что, Жора?! Мы же друзья! Никогда в жизни!

— Не надо, не клянись. Я видел, как, спасая свою шкуру, люди своего родного брата или отца продавали.

— Может быть, мне уехать?

— Это был бы самый лучший выход. Подписку о невыезде ты не давал?

— Нет.

— Ехать тебе надо сейчас, сразу. Садись в любой самолет, который летит на Запад. В крайнем случае — бери билет до Москвы. Завтра утром тебя здесь, на юге, не должно быть. Деньги у тебя есть?

— Да.

— Возьми «жигули». Оставишь машину на стоянке в аэропорту. Ключ забросишь в бардачок и захлопнешь дверь. У меня есть второй ключ. Собирайся в темпе.

Он вышел из комнаты. Я начал складывать вещи в чемодан. Пришла Алия. Глаза ее были заплаканы.

— Что случилось? Почему ты должен раньше времени, да еще ночью, уезжать? Что вы от меня скрываете?

— Я не могу тебе ничего сказать.

Мне было действительно нечего сказать. Не мог же я ей сказать, что ее муж убил двоих людей, что виной этому был я и что если я не уеду, то кто-то из нас может оказаться за решеткой.

Алия села на стул и наблюдала, как я складываю вещи.

— Это из-за женщины? — спросила она.

— Алия, не спрашивай, прошу тебя. Женщина здесь ни при чем.

— Неужели нельзя дождаться утра? Бежишь, как какой-то преступник.

Если бы она знала, как близки к истине были ее слова.

— Я должен ехать, Алия. Спасибо тебе за все.

— Ты не представляешь, как мне тяжело. Что-то происходит в моем доме, а что именно, понять не могу. Что за секреты у тебя и у Жоры?

— Спроси Жору. Я уеду, и все встанет на свои места. Во всем, что сейчас происходит, виноват только я.

С последними словами я захлопнул крышку чемодана. Меня душила обида, и в то же время росло раздражение.

— Подожди, я поставлю чай. Поешь на дорогу.

— Не беспокойся. Если проголодаюсь, поем в аэропорту.

Она встала со стула и вышла из комнаты. Я видел, что по ее щекам текли слезы. Ей, конечно же, было обидно. Она была по-настоящему рада моему приезду. В эту ночь я бегу от них, как из дома прокаженных. Простит ли она меня когда-нибудь?!

Я спустился с чемоданом и сумкой вниз. Жора уже ждал меня в коридоре. Он протянул ключ от машины.

— Прощай. Позвони, как приедешь домой.

Раньше мы бы обнялись, но теперь яма, возникшая между нами, мешала этому. Только Алия подошла и обняла меня. Она уже не плакала.

— Передай привет жене. Будь осторожной в дороге.

Я вышел из дома, сел в «жигули» и выехал со двора.

За городом я свернул на обочину, заглушил мотор, упал головой на руль и заплакал. Я плакал, как маленький ребенок. Слезы текли из моих глаз, и я не мог их остановить. Всхлипывая, я повторял громко, чуть ли не в истерике: «Я сволочь, подлец! Какая я сволочь!!!»

Минут через двадцать истерика прошла. Я посидел еще пять минут, тупо глядя в лобовое стекло машины. За стеклом, в свете включенных фар мельтешила мошка, тяжелый жук на всем ходу врезался в стекло и медленно сполз к капоту. В ста метрах от машины перебежал дорогу какой-то зверь. Его глаза несколько раз мигнули желтыми зрачками в мою сторону. Ни одна машина не проехала мимо меня. Ночь. Все нормальные люди отдыхают. Я посмотрел в зеркало заднего вида. Далеко позади меня светилось несколько окон западного микрорайона. Я знал, что с этого момента двери в этот город для меня закрыты. Прощай, город моего детства, прощай, Жора, прощай, Алия, прощай, Тоня, прощай, Рено. Простите меня за все. Я включил мотор, дал газу и понесся в сторону аэропорта.

В Манасе мне повезло. Были еще билеты на самолет в Москву. Восходящее солнце било в иллюминатор самолета, когда он начал разгоняться на взлетной полосе. Мы гнались за рассветом до самого Домодедова. Москва встретила хмурым дождем, очередями у киосков и билетных касс, шумом электричек и рычанием моторов междугородних автобусов. Таксисты наперебой предлагали увезти меня в любой конец Москвы, но мне нужно было только в Шереметьево. Я взял старень-

кий «мерседес», и таксист, довольный, что ему выпало счастье везти иностранца, повез меня через просыпающийся город на другой его конец.

И в Манасе, и в Домодедово, и в Шереметьево я избегал попадаться на глаза милиции. Страх продолжал сидеть во мне. Только когда тяжелый «боинг» пробил черные тучи над Москвой и под синим небом неслышно понесся в сторону Мюнхена, я начал постепенно приходить в себя. В Мюнхене я перекусил в кафе и только потом позвонил домой. Жена думала сначала, что я звоню из Казахстана, и очень удивилась, когда узнала, что я уже нахожусь в Германии. Поздно вечером она встретила меня на вокзале. Дома радостно повисла на мне дочь, вкусно пахло пельменями и домашним уютом. Жена расспрашивала меня об общих знакомых, о погоде, о городе, но, как будто чувствуя что-то, о причине моего преждевременного приезда вопросов не задавала. И я был благодарен ей за это. Не знаю, нашел ли бы я в себе силы ее обманывать.

После ласк соскучившейся по мне жены я сразу уснул. Под утро я проснулся. Мое тело было мокрым от пота. Я боялся вдохнуть воздух. Чувство давящей на меня толщи воды, связанные веревкой руки и тяжелый груз в ногах вызывали во мне панику, и легкие готовы были лопнуть от отсутствия кислорода. Только когда я увидел переплет окна в спальне, услышал тиканье часов на стене и спокойное дыхание жены рядом, понял, что это был кошмар. Я неподвижно лежал на кровати, пережидая, пока успокоится сердце, и с наслаждением втягивал в себя воздух, радуясь, что все мне приснилось и что в действительности я живу.

На следующий день я позвонил своему клиенту. Никто трубку не брал, и я сказал на автоответчик, что звонил Отто. В этот вечер и на следующий вечер Макс не приезжал. Он приехал на третий вечер после шести часов. Выглядел он совсем плохо. За эти несколько недель он постарел еще на пару десятков лет.

— Извините, — виновато сказал он, — жена лежит в больнице. Я не мог ее одну оставить.

В его глазах стояли слезы, и он держался из последних сил. Есть такие моменты, когда по виду человека можно предсказать надвигающуюся беду. Макс был жив, но жизнь из него уже ушла, и чувствовать это было особенно ужасно. Он сидел напротив, устало смотрел на меня, но я не был уверен, что он меня видит. Он даже не задавал вопросов, и мне пришлось самому начать разговор.

— Господин Макс, я нашел людей, которые выполнят ваш заказ.

— Сколько нужно будет им заплатить? — спросил он без всякого интереса.

— Двадцать пять тысяч долларов. Когда будет выполнен заказ, я не знаю, но лучше, чтобы эти деньги были у меня наготове.

— Хорошо. Послезавтра в это же время я привезу их вам сюда.

Нам не о чем было друг с другом говорить, и после минуты тягостного молчания он встал, протянул свою ладонь и вышел из бюро. Деньги он привез через два дня в черном дипломате. Я не стал их пересчитывать и положил дипломат в сейф. Отчасти мне было страшно притрагиваться к этим деньгам. Я знал, для оплаты чего они предназначены.

Мои ночные кошмары продолжались. Каждую ночь я просыпался от удушья, каждую ночь я тонул, каждую ночь я был бесконечно счастлив, что на самом деле жив. Мне надо было что-то делать. Но что? Идти к психиатру? Поможет ли он мне? Нет, попробую сам как-нибудь управиться с моей бедой. Я стал принимать таблетки от бессонницы — в надежде, что в глубоком сне этот кошмар не будет ко мне приходить. Но это помогло только на короткое время.

Прошло еще две недели. За это время я нашел себе работу и с начала следующего месяца должен был приступить к обязанностям детектива в одном огромном универсальном магазине. Я мог пользоваться моим бюро и телефоном до конца этого месяца. Заказы я перестал принимать и проводил часы в бюро за чтением газет или книг. За окнами наступило настоящее лето. Было непривычно жарко.

На площади у фонтана сидели полуголые голенастые девочки. Мускулистые мальчики в спортивной одежде утоляли жажду пивом, не отвлекаясь на женские прелести. За вынесенными под зонтики столиками не было свободных мест. Мне хотелось взять дочь и уехать на озеро. Но я ждал телефонного звонка.

Он позвонил после обеда и сказал только одну фразу:

— Послезавтра в десять часов у автохауза «Мерседес». Принесите с собой деньги.

Я узнал его голос. Мне кажется, что он тоже знал, с кем говорит. Мое сердце билось так же учащенно, как ночью, когда я просыпался от кошмара. В этот момент я понял, что потерял своего друга навечно.

Через день я был на условленном месте в половине десятого. Моей машины уже не было. Ее продали. Я бесцельно бродил вдоль ряда подержанных машин, когда на улице остановилось такси и из него вышел элегантно одетый, хорошо загоревший под южным солнцем мужчина. Он сразу прошел во двор автохауза и остановился недалеко от меня. Нас разделяла только машина. Мы не поздоровались. Он холодно смотрел на меня.

Я поставил дипломат с деньгами возле машины и пошел к выходу. На тротуаре я оглянулся. Жора держал дипломат в руках и смотрел мне вслед. Он поднял руку и помахал ею.

На следующий день в местной газете промелькнуло сообщение о загадочном ночном убийстве. Подробности не сообщались. Полиция просила свидетелей, слышавших или видевших что-нибудь, сообщить об этом по специальному номеру телефона. В этой же газете на предпоследней странице было траурное объявление. В нем сообщалось о преждевременной смерти сорокалетней женщины. Из черной рамки на меня смотрели знакомые усталые глаза.

Макса я больше не видел. Я перестал ночами тонуть. Иногда, совсем редко, во сне ко мне приходил Жора. Он пристально смотрел на меня и прощально махал рукой. Я просыпался с тоской в сердце, и мне хотелось плакать. Но я сдерживал себя. Я перестал его винить. В конечном итоге, я такой же, как он. Я тоже убийца.